Гитин Фунакоси

Гитин Фунакоси

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Гитин Фунакоси родился 24 апреля 1868г. в Ямакава-сс, округе Сюри. Начал он свой путь как школьный учитель. Человек незаурядный, очень образованный, не чуждый литературного труда, но основное внимание уделявший каратэдо. Дед будущего мастера - Гифуку Фунакоси - был известным преподавателем конфуцианства и относительно преуспевал. Отец, как пишет Фунакоси, “был налоговым пьяницей”. В результате его “деятельности” ситуация в семье ухудшалась с каждым днем, и к моменту рождения Гитина семья была на грани полной нищеты.

•

Гитин Фунакоси родился 24 апреля 1868г. в Ямакава-сс, округе Сюри. Начал он свой путь как школьный учитель. Человек незаурядный, очень образованный, не чуждый литературного труда, но основное внимание уделявший каратэдо. Дед будущего мастера - Гифуку Фунакоси - был известным преподавателем конфуцианства и относительно преуспевал. Отец, как пишет Фунакоси, “был налоговым пьяницей”. В результате его “деятельности” ситуация в семье ухудшалась с каждым днем, и к моменту рождения Гитина семья была на грани полной нищеты.

Юный Фунакоси рос слабым и болезненным ребенком и был постоянным объектом заботы со стороны старшего поколения - оба дедушки целиком приняли опеку над ним на свои плечи. В школе Фунакоси очень сдружился с сыном А.Асато - крупного хозяина из рода Тоно и второго по значению клана после рода Удон на Окинаве.

Школьная дружба привела Г. Фунакоси в дом А. Асато. Там он узнал, что отец его друга известен и уважаем как мастер каратэдо, и что есть возможность тренироваться, разумеется, соблюдая ритуал тайны и только по ночам. Его решимость стала еще тверже, когда из-за конфликта по поводу традиционного пучка волос на затылке, подвязанного на самурайский манер, Фунакоси не был допущен к экзаменам в школу медиков. Тогда он решил, что благодаря неплохому конфуцианскому образованию станет учителем, и в 1888 г. уже приступил к своим обязанностям.

Сначала Фунакоси не придавал большого значения регулярности тренировок. Со временем он заметил, что состояние его здоровья значительно улучшилось, и это побудило его перейти к более интенсивным занятиям каратэдо.

Тренировки проходили по ночам на обширном дворе дома Асато Анко. Funakoси исчезал из дома с наступлением темноты и возвращался перед рассветом. Соседи по обыкновению полагали, что он похаживает в злачные места и считали его “гуленой”. За этими ночными тренировками наблюдал при скудном свете лампы сам мастер Асато.

Ночи напролет Funakoси упражнялся в ката и только... в одном ката. Неделя за неделей, месяц за месяцем. Монотонное и утомительное повторение одной и той же последовательности движений казалось глупым и унизительным, но у Гитина не хватало смелости попросить мастера показать ему хоть что-нибудь новое. Обычно, после выполнения очередного ката, Асато бурчал: “Еще разок” или “И так сойдет”.

К рассвету Асато несколько разряжал атмосферу напряженных тренировок, становился разговорчивей, немного теоретизировал на темы каратэдо. Ночью, бывало, посещал его другой выдающийся каратист - Итосу, и тогда Funakoси изо всех сил прислушивался к разговору старых мастеров.

Постепенно до Funakoси стало доходить, что каратэдо - это нечто большее, чем просто средство для поддержания и улучшения здоровья. Несмотря на отсутствие высшего образования, он довольно быстро продвигался по служебной лестнице в качестве учителя. Вскоре его направили в Наху, чему он был очень рад, так как оттуда ближе было ходить на тренировки. Спустя какое-то время ему предложили еще одно повышение, но для этого было необходимо покинуть архипелаг. Г. Funakoси отказался, ему было жаль прекратить занятия.

А. Асато и Я. Итосу помогли Г. Funakoси пройти основательную школу поединка практически у всех известных мастеров каратэдо, живших в то время на Окинаве.

В 1885 г. Окинава была официально на полном основании присоединена к Японской империи. Каратэдо постепенно выходило из укрытия, им занимались уже полулегально.

В 1901 г. на Окинаву прибыл инспектор школ Синтаро Огава. Ему было также предложено просмотреть каратэдо в исполнении

Г. Фунакоси. Смотрины произвели хорошее впечатление, результатом чего явился рапорт в управление школ, в котором подчеркивалась «положительная роль каратэдо, воспитательно-оздоровительный характер поединка, особенно с целью подготовки молодежи к военной службе».

Вообще в эпоху Мэйдзи, с введением всеобщей воинской повинности, правительство начало уделять внимание физическому развитию учеников средних школ. Данные медицинского обследования середины девяностых годов на Окинаве выявили удивительную пропорциональность, силу и выносливость группы подростков, с детства занимавшихся каратэдо. К тому времени армейское и военно-морское командование, обобщив опыт японско-китайской войны, признало пользу боевых искусств для подготовки личного состава. Каратэдо была открыта “зеленая улица”. В 1902 г. в порядке эксперимента его включили в учебную программу Первой средней школы и Педагогического училища префектуры Окинава. Вскоре началась русско-японская война, принесшая новые подтверждения ценности кэмпо.

”В 1905-1906 гг., сразу же после русско-японской войны, - пишет в своих мемуарах Фунакоси Гитин,- я, уговорив группу товарищей, принял активное участие в организации публичных показательных выступлений на Окинаве. Вероятно, то были первые публичные показательные выступления такого рода”. Путешествия по острову с показательными выступлениями длились несколько лет. С 1912 г. инициативное ядро в составе Фунакоси, Мабуни, Кяму, Гусукума, Огусуку, Токумура, Исикава, Яхику приступило к систематической демонстрации каратэдо в залах крупнейших городов Окинавы - Сюри и Нахи. К тому времени все в Японии уже были достаточно наслышаны о чудесах каратэдо, и в 1916 г. Фунакоси Гитин получил приглашение продемонстрировать свое искусство в стенах токийского Дворца воинской морали (Бутоку-дэн). То было первое, и очень удачное, выступление мастера каратэдо в столице.

6 марта 1921 г. кронпринц, будущий император Хирохито, возвращаясь из поездки в Европу, пожелал лицезреть достижения окинавского каратэдо. Для него была устроена демонстрация ката, тамэсивари и кумитэ в замке Сюри. Принц, человек хрупкого сложения, но весьма воинственных устремлений, был поражен. Это решило судьбу каратэдо. Весной 1922 г. Министерство образования проводило в Токио первую

национальную выставку по спорту (прочно сросшемуся с традиционными воинскими искусствами). Фунакоси Гитин по просьбе организаторов мероприятия написал и привез с собой три тома учебника каратэдо. Впоследствии гранки книги и рукопись погибли во время великого токийского землетрясения. Вместо утраченной рукописи (а в Японии рукописи писали от руки и представляли в единственном экземпляре) под названием “Рюкю кэмпо-каратэ” вскоре была написана новая книга “Закалка тела и духа, а также самооборона посредством каратэ” (“Рэнтан госин каратэ-дзюцу”). Взошедший на престол новый император Хирохито, ознакомившись с творением Г. Фунакоси, высоко оценил его достоинства. Вняв уговорам Кано Дзигоро и знаменитого мастера кэндо Накаяма Хакудо, Фунакоси остался в Токио вместе с несколькими учениками. Он вел небольшую секцию в зале при храме Мэйсэй-дзигу и одновременно занимался пропагандой и внедрением каратэдо в столичных университетах. Первый клуб каратэдо был открыт в университете Кэйо в 1924 г. Неизбежное свершилось - каратэдо вышло из подполья и устремилось в народ.

Иллюстратором трудов Г. Фунакоси был художник Хоан Косуги - родовитый японец. С каратэдо он столкнулся впервые, отдыхая на Окинаве, и очень им заинтересовался, однако в Токио не имел возможности приступить к тренировкам. Однажды Косуги, по просьбе множества людей, встретился с Г. Фунакоси и попросил прочитать цикл лекций по каратэдо. 54-летний Мастер согласился, предварительно обратившись за советом к своим учителям А. Асато и Я. Итосу. Оба мастера одобрили педагогические устремления Г. Фунакоси, но предупредили его о том, что преподавание каратэдо - это нелегкий хлеб. Лекции Г.Фунакоси были прочитаны успешно и вызвали огромный положительный резонанс у публики, в том числе и у художника Хоана Косуги, дружба которого с мастером продолжалась до самой смерти.

В 1936 г., как уже говорилось выше, Фунакоси открыл свою школу, свой центр, получивший название Сстокан. Переступая порог нового здания, Г. Фунакоси открыл новую эру в развитии современного каратэдо, а самому ему уже было около 70 лет. В новое додзс приходило все больше и больше учеников, которые занимались под девизом: . Желающих уже было так много, что макивары (приспособление в виде вертикально стоящей доски с амортизирующей подушкой для нанесения ударов) для упражнений приходилось устанавливать на улице прямо перед

додзё, а грохот ударов раздавался допоздна.

Весной 1945 г. додзс было до основания разрушено во время мощнейшей бомбардировки. Г. Фунакоси выехал в Оита на Кюсю, чтобы встретиться с эвакуированной с Окинавы женой, и оставался там до самой ее смерти, наступившей в 1947 г.

Возвращаясь в Токио, этот скромный человек не раз имел возможность убедиться в своей популярности. На каждой станции в вагон его поезда заходили группы людей, чтобы выразить ему свои соболезнования.

Гитин Фунакоси был активен до конца своих дней. Неустанно ездил на соревнования, посещал различные секции. Имея свободное время, активно участвовал в культурной жизни, особенно любил он поэтические встречи, был глубоким и тонким ценителем поэзии.

Однажды Гитин Фунакоси пришел на занятия в кимоно с белым поясом. Ученики бросились опрометью в раздевалку и через несколько минут появились на татами с такими же поясами, ожидая похвал учителя. Но не дождались - Фунакоси, раздосадованный слепым подражанием, выгнал их из зала, потому что они не поняли его. Не поняли, что он, которого по праву считали величайшим мастером и Учителем с большой буквы, надел белый пояс ученика не из прихоти, не из самоуничижения, не из скромности, а потому, что вышел на новый виток не имеющей конца спирали, на новую ступень скрывающейся за облаками лестницы. Ибо путь познания себя и окружающего, «путь пустой руки» бесконечен, И пределов совершенству не существует...

Когда ему уже было 80 лет, он как-то на улице обезвредил преступника и до самой смерти мучился из-за того, что повел себя агрессивно, нарушив тем самым принципы, которые свято соблюдал и пропагандировал в течение всей жизни. Умер он 14 ноября 1957 г. на девяностом году жизни.

В 1968 г. в храме Энкаку-дзи был установлен небольшой каменный бюст, на котором кроме имени и фамилии мастера были выбиты слова: “Каратэдо никогда не было средством нападения”. Со смертью Гитина Фунакоси завершился важнейший этап в истории боя. Дзигоро Кано Дзигоро Кано родился 28 октября 1860 года в Микагэ. Возвышающийся над безмятежным

Осакским заливом и окаймленный величественной горной грядой Рокко, Микагэ (ныне часть города Кобэ) был в те времена одним из самых привлекательных районов Западной Японии. Этой области дарованы умеренный климат и чистая вода — два источника, обеспечивающих хорошие условия для приготовления сакэ, до сих пор входящего в ряд основных производств этого района. По линии отца Марэсибы корни Кано уходили к самым началам истории Японии, и среди его предков было множество прославленных монахов-синтоистов, мастеров буддизма и последователей Конфуция. Его мать Садако относилась к одному из самых известных кланов изготовителей сакэ (они варили знаменитый сорт Кику-Масамунэ). Кано, вместе с двумя старшими братьями и двумя старшими сестрами, вырос в доме, который считался одним из самых больших и богатых в округе. Хотя обстоятельства юности Кано вполне завидны, его воспитывали в строгости и суровой дисциплине. Кано сохранил нежные воспоминания о доброй и внимательной матери, но он говорит о ней как о человеке, нетерпимом к любым проявлениям недостойного поведения. Марэсиба лично занимался образованием своего младшего сына, сам обучал его основам знаний и организовал для него дополнительные уроки по китайской классической литературе и каллиграфии.

После смерти Садако в 1869 году, Марэсиба, ставший к тому времени предпринимателем и правительственным чиновником и активно поощрявший модернизацию Японии периода Мэйдзи, перебрался с семьей в новую столицу, Токио. Наиболее ярким из первых впечатлений юного Кано от столицы было зрелище ронинов, с важным видом расхаживающих по улице и гордо выставляющих напоказ два своих меча (запрещение ношения мечей было издано через несколько месяцев после переселения семьи Кано в Токио).

Кано приняли в СэтацуСёдзю-ку, частное учебное заведение, которое возглавлял ученый Кэйдо Убуката. Уникальность этой школы заключалась в том, что в ней учились не только отпрыски аристократов и самураев (прежде образование было исключительной привилегией высших классов). Среди учеников школы были также дети торговцев, ремесленников и представителей других классов; некоторые из них обучались борьбе сумо, мастерству актеров театра Ка-буки и искусству гейш.

Убуката был высокочтимым каллиграфом и известным ученым, и, помимо усиленной подготовки своих учеников в классической литературе Японии и Китая, он заставлял их заполнять кистью до трех блокнотов ежедневно. Вечером после занятий Убуката часто проводил с учениками личные беседы, во

время одной из которых сказал Кано, что, несмотря на бесценность классического образования, современным японским студентам необходимо тесно знакомиться и с западной культурой.

Кано воспринял совет Убукаты всем своим сердцем и, после первого знакомства с английским языком в академии Сюбэй Мицукури, поступил в 1873 году в Икуэй Гид-зюку, где все курсы читались на английском или немецком языках иностранными преподавателями, а учебник математики, например, был на голландском. В общежитии этой школы способный, высокородный, а временами и сноб, Кано стал беззащитным объектом жестоких насмешек со стороны ревнивых старшеклассников. Кано, разумеется, был чрезвычайно удручен столь печальным положением и именно в этот беспокойный период впервые услышал о дзю-дзюцу, боевом искусстве, в котором небольшая физическая сила позволяла противостоять сильным атакам. Кано не удалось заняться дзю-дзюцу именно в то время, но он все же пытался укрепить свое тело, обратившись к различным видам спорта, включая появившийся в Японии совсем недавно бейсбол.

В 1874 году Кано поступил в Токийскую школу иностранных языков, где продолжил изучение английского языка. Его прежние учителя английского были голландцами и немцами, и он совершенно растерялся, столкнувшись с настоящим британским и американским произношением. Примечательна та неутомимость, с какой Кано изучал английский язык в достаточно трудных условиях. В то время редкими были обычные словари; студенты академии часто довольствовались одним экземпляром учебника на всех, а перед экзаменами «смена» Кано в очереди на учебник нередко приходилась на время с часа ночи до пяти утра. Несмотря на эти трудности, Кано в совершенстве овладел языком и большую часть своей жизни вел дневник на английском (позже Кано записывал технические детали своего учения будо также на английском — вероятно, для того чтобы держать их в секрете. Его письменный английский язык совершенно великолепен и считается в Японии одним из лучших образцов).

Окончив Школу языков, Кано поступил в Академию Кайсэй, еще одну школу, поддерживаемую правительством. В 1877 году она стала Токийским университетом, и Кано удостоился чести стать одним из самых первых выпускников этого лучшего национального учебного заведения Японии. Кано выбрал своими основными направлениями политические науки, философию и литературу (как оказалось, любимейшим его предметом стала астрономия). В то время Кано вновь столкнулся с задирами и

буянами, как вне, так и на территории студенческого городка, и исполнился еще большей решимости приступить к изучению дзю-дзюцу. Однако в тот исторический период было совсем нелегко найти себе подходящего учителя.

В период Токутавы (1600— 1868) в любом районе Японии к учителям боевых искусств относились как к само собой разумеющемуся явлению, а каждый самурай, будь то мужчина или женщина, проходил интенсивную подготовку в бу-дзюцу. Однако с момента краха в 1868 году феодальной системы поддержка академий боевых искусств со стороны государства иссякла, и большинство из них закрылось. Более того, с переходом страны к западному образу жизни большая часть японцев потеряла интерес к классическим боевым искусствам.

«Времена изменились, и подобные вещи стали теперь бесполезными», — откровенно предупреждали Кано не только его отец, но и многие бывшие мастера боевых искусств.

Но Кано упорствовал и, наконец, в 1877 году нашел хорошего учителя, Хатиносукэ Фукуду (1829—1880) из Тэнсин Синъё-рю. В этом Рю, основанном Матаэмоном Исо (скончался в 1862), занимались относительно новым стилем дзю-дзюцу, и основное внимание в нем уделялось атэми (поражению анатомически слабых точек) и технике захвата. Говорят, что Матаэмон освоил многие свои приемы в уличных схватках с бродягами, терроризировавшими местное население (к концу периода Сёгуната закон и порядок пришли к полному упадку); предположительно, он владел 124 видами различных ударов кулаком.

Пятидесятилетний Фукуда, зарабатывавший себе на жизнь хиропрактикой, занимался в небольшом додзё* с несколькими постоянными учениками. Кано от всей души предался занятиям и, даже если рядом никого не было, занимался в одиночестве и выполнял различные движения с тяжелым железным шестом, которые ему преподал Фукуда (судя по всему, Кано одновременно изучал бо-дзюцу, сражение на палках, в додзё при Ягю Сингэн-рю). Перед занятиями Кано непременно покрывал тело сильнодействующим, но отвратительно пахнущим бальзамом собственного приготовления и потому быстро получил среди своих одноклассников прозвище «Кано Благоухающий». Каждый вечер, вернувшись дхомой, он показывал старшим брагу и сестре то, чему научился в додзё ?укуды в течение дня.

Во время занятий дотошный Кано докучал Фукуде просьбами о подробнейшем объяснении каждого приема — точного расположения рук и ног, правильного «угла вхождения», распределения веса и так далее — но учитель обычно произносил

только: «Подойди», — и вновь отправлял Кано на землю, пока пытливый ученик не обретал практического понимания приема благодаря опыту «из первых рук». Главным партнером по упражнениям для Кано был могучий тяжеловес по имени Фукусима. Он постоянно побеждал Кано в рандо-ри (соревнования в вольном стиле), и Кано обратился за советом к своему другу, борцу сумо, надеясь, что приемы этой борьбы дополнят его опыт. Однако сумо не смогло помочь ему, и Кано отправился в Токийскую библиотеку, желая посмотреть, что предлагается в книгах по западной борьбе. Там он обнаружил технику, которую успешно применил против Фукусимы и впоследствии назвал ката-гурума («мельница»).

В мае 1879 года Кано и Фукусима попали в отборную группу мастеров боевых искусств, организованную для инсценированной демонстрации бывшему президенту Соединенных Штатов Гранту во время его визита в Японию. Представление было принято генералом Грантом и другими американцами весьма благосклонно и широко освещалось в прессе США. К несчастью, вскоре после этого, в возрасте пятидесяти двух лет, скончался учитель Кано, Фукуда. Кано пытался самостоятельно проводить занятия в додзё, но очень скоро понял, что ему самому еще не хватает подготовки.

Кано продолжил свою учебу в Тэнсин Синъё-рю у Масамото Исо (1818—1881), сына основателя этой школы. В то время Масамото было за шестьдесят, и он уже не участвовал в рандори, но все еще считался мастером ката, приемов, проводимых согласно определенной схеме (позже Кано рассказывал своим ученикам, что ката в исполнении Масамото были «самым прекрасным зрелищем из всех, что мне доводилось видеть»). Кроме того, тело Масамото было словно отлитое из чугуна и без ущерба выдерживало прямой удар деревянного меча.

Обучение у Масамото позволило Капо овладеть мастерством выполнения различных ката и получить значительный опыт ерандо-ри — в додзё Масамото занималось тридцать учеников и Кано ежедневно нужно было провести поединок с каждым из них. Очень часто его тренировки заканчивались лишь к одиннадцати часам вечера, и совсем нередко усталость едва позволяла ему доползти до дому. Когда же Кано добирался домой, он продолжал заново переживать все свои бои во сне и пробивал ударами рук и ног дыры в бумажных стенах своей комнаты.

По мере того как Кано становился сильнее и рос в своем мастерстве, возрастала и его уверенность в себе. На демонстрации, проводимой в Тоцука-рю при Токийском университете, Кано стремительно выпрыгнул из толпы зрителей и

присоединился к рандори, поразив при этом непосредственностью своей импровизации как зрителей, так и самих участников. С другой стороны, Капо обнаружил, что чрезмерная самоуверенность может быть опасной — в додзё Масамото он провел очередной бросок слишком небрежно и был буквально пригвожден к полу новичком. Столь явный сигнал тревоги показал Кано, что нельзя недооценивать противника.

В 1881 году, после смерти Масамото, Кано вновь остался без учителя. На этот раз он отправился учиться к Цунэтоси Ийкубо (1835—1889) из Кито-рю. Родословная Кито-рю уходит к середине семнадцатого века. Хотя ведутся споры о личности основателя этой школы, традиции Кито подверглись серьезному влиянию учений школы Ягю и мастера дзэн Такуана (1573—1645), что придало им больший философский оттенок, чем традициям прагматичной Тэнсин Синъё-рю. Во времена Кано Кито-рю сосредоточивалась, в первую очередь, на нагэ-вадза, техниках броска. Как стиль, так и содержание обучения в Кито-рю существенно отличались от принципов Тэнсин Синъё-рю, и Кано был очень рад познакомиться с новым подходом к дзю-дзюцу. Хотя Ийкубо было уже за пятьдесят, он продолжал вести занятия в течение целого дня и попрежнему превосходил своих молодых учеников в рандори. Вероятно, это был самый искусный мастер боевых искусств из всех, у кого Кано доводилось учиться (в своих воспоминаниях Кано говорит: «У Мастера Фукуды я научился тому, какой должна быть работа моей жизни; у Мастера Масамото я научился тонкой природе ката; у Мастера Ийкубо я освоил множество приемов и научился важности своевременности»).

Посвящая тренировкам все вечера, Кано не менее усердно погружался днем в книги, получая в Токийском университете отличные оценки. Одним из его преподавателей был профессор Эрнст Феноллоза (1853—1908) (в то время двадцать семь из тридцати пяти профессоров Токийского университета были людьми с Запада). Хотя он был приглашен в университет в качестве профессора западной философии, Феноллоза увлекся восточной культурой и неустанно поощрял изучение азиатских изящных искусств среди людей Запада и самих японцев. В ранний период Мэйдэи возникла опасность того, что японцы, в своей опрометчивой погоне за модернизацией и стремлении превзойти Запад, могут потерять свою собственную культуру; к примеру, в классах художественных школ кисти начали заменять перьевыми ручками. Феноллоза предостерегал от подобного бездумного заимствования западных обычаев и убеждал своих друзей и студентов (в том числе, и Кано) в том, что традиционные японские искусства представляют собой живые формы, достойные

сохранения.

Еще одним из любимейших профессоров Кано был эксцентричный дзэн-буддист Тандзан Хара (1819—1931), преподававший индийскую философию. Хара искусно избегал ловушек религии — Кано разделял с ним такую позицию — и был увековечен в современной литературе по дзэн как герой следующей популярной притчи:

Два молодых монаха, Тандзан и Экидо, отправились в паломничество из одного монастыря в другой. Разыгралась буря, и эти двое подошли к перекрестку, который превратился к тому времени в бурный поток. Посреди него стояла красивая девушка. «Вам помочь?» — спросил Тандзан, и, когда девушка ответила: «Да», он подхватил ее на руки, перенес через затопленную дорогу и поставил на твердую землю по другую сторону от потока. Часа через два, когда два монаха продолжали свой путь, Экидо внезапно взорвался: «Как ты мог позволить себе такое? Ты ведь знаешь, что монахам-буддистам строго запрещено прикасаться к женщинам!» Тандзан ответил: «Что? Ты все еще несешь с собой ту девушку? Что до меня, то я давным-давно оставил ее там, на перекрестке».

Кано закончил Токийский университет в 1881 году, но остался там для дальнейшего обучения еще на год. В феврале 1882 года он перебрался в Эйсё-дзи, небольшой буддистский храм секты Дзёдо в районе Симо-тани города Токио. Там, в возрасте двадцати двух лет, он основал Кодокан, «Институт Изучения Пути».

Кано уже давно влюбился в дзю-дзюцу и верил, что его необходимо сохранить как культурную драгоценность Японии; однако он был убежден и в том, что дзю-дзюцу следует приспособить к современным условиям. Он чувствовал, что основополагающие принципы дзю-дзюцу следует систематизировать в форме Кодокан Дзю-до, дисциплины разума и тела, воспитывающей мудрость и добродетельную жизнь. Сравнивая дзю-дзюцу с Хи-наянои, «малой колесницей» с ограниченным размахом, он уподобил Кодокан Дзю-до Махаяне", «великой колеснице», охватывающей как личность, так и общество в целом. «Если труд человеческого существа не приводит к благу общества, — говорил Кано, — жизнь этого человека тщетна». Что же касается термина дзю-до, который означает «путь мягкости», то он существовал уже несколько столетий. Некоторые старые тексты, к примеру, определяют дзю-до как «путь, который следует течению вещей», что истолковывается в Кодокан Дзю-до Кано как «наиболее эффективное использование энергии».

Кано и горстка его учеников (в первый год официально зарегистрировалось девять человек) занимались первоначально в углу главного зала храма. Вскоре, однако, суровость тренировок начала сказы

«Монашеское» направление буддизма. —Прим. персе. «Мирское» направление буддизма. — Прим. персе.

зданию, он использовал в качестве додзё. Поскольку большинству учеников было сложно посещать занятия в будни, додзё был открыт по воскресеньям, с семи утра до полудня и с трех часов пополудни до семи вечера. Как учителю, Кано необходимо было постоянно быть на месте, даже в леденящий холод (склад не отапливался) и даже если не показывался ни один ученик. Через несколько месяцев он переехал в Ками Нибантё в районе Кодзи-ма-ти и выстроил маленький додзё на свободном месте арендованной земли. Этот додзё работал ежедневно после обеда, с двух часов дня до одиннадцати-двенадцати часов ночи. Теперь Кано мог выходить и давать урок, как только кто-нибудь из учеников приходил на тренировку.

В течение первой половины 1883 года Ийкубо продолжал обучать Кано и по-прежнему одерживал над ним верх. Наконец, однажды Кано уловил ключевой момент дзю-до: «Если партнер тянет, я толкаю; если он толкает, я тяну». С этого времени он смог соревноваться со своим учителем на равных. Кано приписывает этот прорыв не какому-либо мистическому переживанию (на которые часто ссылались мастера боевых искусств прошлого), но считает его результатом многих лет внимательных наблюдений и рационального подхода к этому искусству. Хотя осенью 1883 года Ийкубо даровал ему право преподавания в Кито-рю, Кано все еще было трудно привлекать учеников из-за его молодости и недостатка должного тренерского опыта.

В 1883 году у него формально зарегистрировались всего лишь восемь учеников, а на следующий год их было десять. В 1884 году Кано удалось выстроить додзё побольше (хотя его размеров все еще хватало только на двенадцать матов) и установить регулярные дни открытых соревнований. К этому времени постепенно сформировалась классификационная система — первоначально в ней было три начальных уровня (кю) и три уровня для мастеров (дан). Дзёдзиро Томита (1865—1937) и Сиро Сайго (1866— 1922) стали первыми тренерами, удостоенными ранга сёдан. Примерно в то же время Кано ввел кан-гэйко, «тренировку при холодной погоде», — тридцатидневку особых зимних тренировок с четырех до семи часов утра.

В течение этого периода режим дня ученика, живущего в

Кодокане, — большинство из таких учеников Кано обеспечивал из собственного кармана — был не менее суровым, чем жизнь монаха. Ученик, живший при школе, должен был подниматься в 4:45 утра и заниматься безукоризненной уборкой своей комнаты, служебных зданий и всей территории. День был четко разделен на время изучения книг (философия, политические науки, экономика и психология) и практику дзю-до. Во время изучения книг ученик должен был надевать кимоно с хакама (специальными очень широкими штанами) и сидеть в сэйдза. Даже когда ученик не работал с книгами и не тренировался, он был занят обслуживанием гостей, приготовлением пищи или ванн. День заканчивался в 9:30 вечера.

Раз в неделю Кано и ученики встречались на чаепитии, а послеобеденное время по воскресеньям посвящалось продолжительной прогулке. Девизом академии Кано были слова: «Делай сам», поэтому каждый ученик лично отвечал за стирку и штопку своей одежды. Личное расписание Кано было точно таким же, если не считать дополнительных нагрузок; часто ему приходилось просиживать всю ночь над переводами для Министерства Образования в попытках свести концы с концами. Занявшись одновременно изучением западных видов спорта — борьбы и бокса, — Кано продолжал погружаться в исследование классических японских систем будо. Будучи лишь немногим старше своих учеников, Кано продолжал тренироваться не менее упорно, чем они. Сиро Сайго, до прихода в Кодокан изучавший тайные техники осики-ути у самурая из Айдзу, был тем самым учеником, который быстро научился противостоять броскам своего учителя. В результате Кано пришлось непрерывно оттачивать приемы Кодокана, основанные как на его практическом опыте, так и на теоретических изысканиях. Оглядываясь на те ранние дни Кодокана, легко заметить, что основное внимание в нем уделялось броскам, а из рандори постепенно исчезали самые опасные приемы. В течение этого периода Кано много занимался дзю-до за пределами своего додзё. Тогда ему часто приходилось пользоваться лошадью, чтобы всюду успевать, однако он так никогда сносно и не освоил верховой езды. Лишь благодаря его опыту падений, получен-' ному на занятиях дзю-до, он научился безопасно приземляться на ноги каждый раз, когда конь сбрасывал его.

К 1885 году число желающих обучаться у него возросло до пятидесяти четырех человек; к нему обратилось даже несколько иностранцев. Первыми его иностранными учениками стали, судя по всему, два брата Истлэйк из Соединенных Штатов (долго они не продержались, но в 1899 им на смену пришел профессор Лэдд

из Принстонского университета, который провел в Кодокане десять месяцев серьезных тренировок). В 1866 году Кано вновь переехал, на сей раз в Фудзими-тё, и там ему удалось построить прекрасное здание на сорок матов — в том году к нему записались девяносто девять учеников. В додзё при Фудзими-тё ученики с уровнями дан впервые начали носить черные пояса как знак своего статуса.

В течение следующих лет представители Кодокана начали выделяться на открытых состязаниях, организуемых Национальным агенством полиции. Эти славные победы давно стали частью мифологии Кодокан Дзю-до, хотя в существующих свидетельствах можно обнаружить множество разногласий относительно того, где, когда и с какими противниками проходили встречи. Например, Сайго чествуют за его прославленную победу с помощью приема яма-араси («буря в горах»), хотя точно не известно, что именно представляла собой эта техника. Кое-кто утверждает, что яма-араси означает скорее сам стиль Сайго, «подобный сильному ветру, завывающему средь горных вершин», чем какой-либо отдельный прием.

Кроме того, представляется, что правила этих состязаний были достаточно благоприятными для представителей Кодокана, поскольку большинство летальных приемов старых стилей и школ были в них запрещены (до того времени открытые состязания несли в себе смертельную угрозу; участники таких боев на всякий случай прощались со своими родными и близкими, прежде чем вступить в борьбу). Несомненным остается одно: представители Кодокана действительно прекрасно проявили себя на этих состязаниях, равно как и во многих других открытых боях, Хотя обычно представители Кодокана выступали очень хорошо, они ни в коем случае не были непобедимыми. Один из самых сильных воспитанников Кодокана, Санбо Току (1886—1945), отказывался учиться падениям, поскольку «никто никогда не сможет заставить меня упасть». Это могло быть справедливым по отношению к боям в самом Кодокане или уличным дракам (однажды Току справился с целой командой бразильских моряков), однако когда Току встретился с Дзэнму Куний (скончался в 1930) из Кадзима Син-рю, тот бросал его, «словно котенка».

Другими мастерами, не покорившимися представителям Кодокана, были Морикити Омори (1853—1930), виртуоз сильного удара из Иотин Тоцука-рю, сражавший любого противника своим неотразимым приемом киай-дзюцу (форма гипноза в боевых искусствах), и Матаэмон Танабэ (1851— 1928), изящный и исполненный достоинства человек, научившийся побеждать противника, «упражняясь в ловле угрей голыми руками и

наблюдая за змеями, заглатывающими лягушек».

Многие школы старых стилей, подобные Синдо Рокуго Кай, объединялись, чтобы противостоять Кодокан Дзю-до, но такие организации просто не могли сравниться с подробно продуманной и тщательно спланированной системой Кано.

В апреле 1988 года Кано и преподобный Т. Линдсей представили статью «Дзю-дзюцу» (и, возможно, провели демонстрацию) членам Азиатского Общества Японии — исследовательской группе, состоявшей их англоговорящих иностранных дипломатов, профессоров и бизнесменов. В этой статье авторы утверждали, что, хотя и существуют свидетельства того, что некоторые японские боевые искусства формировались под влиянием китайского бокса, дзю-дзюцу имеет чистые национальные корни. Статья иллюстрировала принцип дзю на примере легенды о древнем учителе, который наблюдал, как ветви ивы прогибаются, но не ломаются под тяжестью снега. В ней приводились также истории о знаменитых мастерах дзю-дзюцу, в том числе и рассказ о Дзюсине Сэ-кигути (1597—1670). Однажды, когда Сэкигути и его господин проходили по узкому мосту, господин решил устроить проверку мастеру дзю-дзюцу и неожиданно столкнул того с края. Сэкигути подался назад и, казалось, начал падать, но в последнюю секунду вывернулся, и ему пришлось спасать своего господина, который по инерции чуть не полетел вниз головой в воду. К 1889 году, когда Кано вновь перебрался в район Ками-Нибан-тё, у него было уже более полутора тысяч постоянных учеников и несколько отделений Кодокана в разных частях Токио. Кодокан Дзю-до Кано уверенно прокладывал свой путь к выдающемуся положению в мире боевых искусств современной Японии.

В августе 1889 года Кано оставил свой пост в Гакусюин и, но требованию Императорского хозяйственного агентства, готовился ' предпринять длительное путешествие по образовательным заведениям Европы. Оставив своих старших воспитанников Сайго и Томиту во главе Кодокана, в сопровождении еще одного официального лица из Императорского хозяйственного агенства он отплыл из Иокогамы 15 сентября 1889 года. Учитывая, что в те времена лишь немногие японцы пересекали океан, не удивительно, что Кано и его спутник оказались единственными японцами-пассажирами на судне.

Сделав недолгую остановку в Шанхае, они прибыли в Марсель в октябре. В течение следующего года Кано посетил Лион, Париж, Брюссель, Берлин, Вену, Копенгаген, Стокгольм, Амстердам, Гаагу, Роттердам и Лондон, а на обратном пути остановился в Каире, чтобы увидеть пирамиды. Самым сильным

впечатлением Кано за время путешествия стало огромное число церквей и соборов, и тогда он впервые осознал, что религия обладала в европейском обществе всепрони-кающей силой. Однако после бесед с самими европейцами и наблюдений за их поведением он сделал вывод, что религия в Европе могла иметь большое влияние в прошлом, но сейчас ситуация изменилась.

Поразила Кано и бережливость европейцев, старающихся ничего не терять впустую. Такая добродетель, распространенная в иных странах, вновь подтвердила одно из основных убеждений Кано: в дзю-до, как и в повседневной жизни, человек должен стремиться к наиболее эффективному использованию предметов и энергии. Он также заметил, что в то время как японские студенты, изучающие иностранные языки, стеснялись писать или говорить на них из боязни сделать ошибку, сами коренные жители этих стран искажали свой язык в разговоре и присылали ему письма с множеством грамматических ошибок. Разумеется, идеал заключался совсем не в этом, но это убедило Кано в том, что японским студентам не следует чрезмерно беспокоиться о своих ошибках при изучении устного или письменного иностранного языка. В целом, Кано был чрезвычайно доволен своей первой поездкой в Европу и чувствовал, что японцы и европейцы вполне могут сотрудничать на дружественной основе.

После посещения Египта в компании англичанина, француза, голландца, швейцарца и австрийца, Кано с гордостью рассказывал своим друзьям в Японии, что он один смог взобраться на вершину пирамиды и спуститься вниз без посторонней помощи и передышек. Во время долгого путешествия домой Кано беседовал с попутчиками о дзю-до и демонстрировал им его действенность. На корабле служил очень сильный русский матрос, и ради развлечения был устроен бой между ним и Кано. Матрос быстро взял Кано в крепкий захват, и мастеру дзю-до удалось на лету изобрести новый прием — «наполовину коси-нагэ, наполовину сэой-нагэ» — и одолеть своего противника броском. Больше всего толпу наблюдающих пассажиров поразило не то, что такой маленький человек смог одолеть такого огромного, но то, что Кано удерживал матроса таким образом, чтобы тот не получил повреждений, ударившись о палубу.

Когда судно остановилось в Сайгоне, Кано отправился на прогулку по городу. На окраине его неожиданно окружила свора бродячих псов. Его первой мыслью была идея избить их, но, когда к нему вернулось хладнокровие, он обнаружил, что собаки тоже приутихли. Он спокойно прошел мимо них, и они не причинили ему никакого вреда. Кано вернулся в Японию в середине января 1891 года; его путешествие длилось шестнадцать месяцев. К

несчастью, за это время Сайго попал в неприятности. Как уже упоминалось, в те ранние годы некоторые воспитанники Кодокана продолжали посещать соперничающие школы с целью проверки своего мастерства. Среди них был и Сайго, который, в компании приятелей из школ дзю-дзюцу, но не из Кодокана, слонялся по шумным рыночным площадям и принимал любой вызов на состязание. Однажды Сайго и его приятели столкнулись с группой борцов сумо, которую возглавлял чудовищный Арауми, «Бушующее Море». Арау-ми быстро расправился с его товарищами, и Сайго пришлось вступить в бой. Хотя Сайго был пьян от сакэ, ему все же удалось уложить Арауми на лопатки. Но когда огромный борец вонзил зубы глубоко в щеку Сайго, тот не выдержал и начал бить его кулаками. Последовала отчаянная драка между сумоистами и представителями дзю-дзюцу, кто-то вызвал полицию, и вся компания угодила в тюрьму.

Дело осложнялось тем, что в общей свалке Сайго ударил нескольких полицейских. Членам Кодокана удалось вытащить Сайго из-под ареста, но, когда Кано узнал об этом происшествии, ему не оставалось ничего иного, кроме как исключить своего лучшего ученика «за нарушение правил Кодокана». Сайго сбежал в далекий Нагасаки и бросил занятия дзю-дзюцу и дзю-до (в Нагасаки Сайго занялся кю-до, японской стрельбой из лука, и достиг в этом искусстве не меньшего совершенства, чем в дзю-дзюцу). Когда Сайго умер, Кано, в знак прощения, присвоил своему своенравному бывшему ученику посмертный ранг «Шестой Дан Кодокан Дзю-до».

В 1891 году Кано, которому исполнился тридцать один год, решил, что пришла пора обзавестись семьей, и, после поисков подходящей партии с помощью старших, женился в августе того же года на Сумако Такэдзоэ. Увы, уже в следующем месяце Кано пришлось покинуть жену и принять должность директора Пятой высшей школы в отдаленном Кумамото.

Как обычно, нововведения в образовании медленно доходили до провинциальных районов, поэтому Кано рассматривал свою работу в Пятой высшей школе как особое испытание. Бюджет ее был мизерным, хозяйство скудным, а учителя — недостаточно подготовленными. Не было в ней и додзё. В отсутствие средств на его постройку, Кано и его ученики вынуждены были заниматься прямо под открытым небом. Позже, когда у школы появилась возможность построить додзё, к Кано присоединилось несколько его воспитанников из Токио и они занялись распространением Кодокан Дзю-до в Южной Японии.

Одним из новых учителей, нанятых в школу — предположительно, по личному приглашению Кано, хотя остается

неясным, как они познакомились, — был Лафкадио Хирн (1850—1904). Хирн написал эссе о дзю-дзюцу, вошедшее в его книгу «С Востока», которая была впервые опубликована в 1894 году. В этом не очень связном сочинении мало говорится о Кано и дзю-до, но выражается очень верная мысль о том, что в общении с силами Запада японцам следует придерживаться духа дзю-до — «гибко, но твердо». В своих воспоминаниях Кано описывает очень торжественную церемонию, проводившуюся в городе;

все ее участники были одеты в западном стиле: строгие сюртуки, европейские платья или военная форма, за исключением единственного человека, облаченного в японскую одежду, — Лафкадио Хирна, В 1893 году Кано вернулся в Токио и занял пост директора Первой высшей школы, а немногим позже — ту же должность в Токийском педагогическом училище. Теперь он смог воссоединиться со своей женой, и в конце года у него родился первый ребенок, девочка. У этой супружеской пары было восемь детей — пять девочек и три мальчика.

На следующий год в Сима То-мидзака-тё был выстроен прекрасный додзё на сто матов, и тогда впервые была назначена небольшая оплата за обучение (в течение всей жизни Кано оплата занятий в Кодокане оставалась вполне приемлемой благодаря поддержке множества щедрых покровителей).

В том же 1884 году началась китайско-японская война. Последовавшая военная горячка сделала практику дзю-до более популярной, хотя сам Кано не делал ничего, что поощряло бы подобные настроения. В течение этого времени часто происходили случаи «продуктового бандитизма». В Кодокане появился похититель, который в течение нескольких дней таскал продукты у живущих в школе студентов. Два ученика были поставлены на страже, но, когда они набросились на бандита, облаченного в облик китайского ниндзя, он жестоко избил их, после чего усмехнулся:

«Жалкие слабаки! Неужели это лучшие из тех, кого смогли поставить на охрану?» Выслушав отчет о тревожном ночном событии, старшие воспитанники додзё пришли в замешательство. Если им необходимы четыре-пять учеников Кодокана, чтобы справиться с одним бандитом, это бросит тень на авторитет их дзю-до, потому они решили обратиться к Сакудзиро Иокояма (1862—1912) с просьбой о защите чести Кодокана. Прославившийся своим ошеломляющим тэнгу-нагэ и носивший прозвище «Демон», Иокояма однажды в течение пятидесяти пяти минут вел поединок с чемпионом по дзю-дзюцу по имени Накамура, пока начальник полиции столицы, перед которым проходило это состязание, не вмешался и не огласил ничью.

Следующей ночью, как и ожидалось, бандит спустился с крыши, и завязался эпический бой. Кем бы он ни был, грабитель определенно хорошо владел китайским кулачным боем, но у Иокоямы были свои приемы. В результате ни один из них не мог похвастаться победой, но бандит никогда больше не возвращался к новой встрече с Иокоя-мой или кем-то из Кодокана.

В 1895 году в Кодокане были официально введены гокё-новадза, пять групп инструкций. Каждая группа состояла из восьми показательных техник — взмахи ногами, броски и падения. В 1986 году была окончательно установлена сётю-гэйко — так сказать, «тренировка в разгар лета», жаркая противоположность холодной «зимней тренировке», которая практиковалась там уже давно.

В течение этого года Кано начал читать регулярный курс лекций по Трем Элементам дзю-до, суть которых можно выразить следующим образом. Дзю-до как физическое образование Цель физического образования, говорил Кано, заключается в том, чтобы сделать тело «сильным, полезным и здоровым». Далее, в процессе физического образования все мышцы тела должны развиваться симметрично. Прискорбно, по словам Кано, что большинство видов спорта обычно развивают лишь определенные группы мышц и пренебрегают другими. В результате возникает физическая неуравновешенность. Кано разработал для занимающихся дзю-до определенный набор разогревающих упражнений, развивающих все мышцы тела. Кроме того, необходимы регулярные практики как ката, так и рандори. Ката, которые нужно выполнять как право, так и левосторонними, несут в себе основы атаки 'и обороны. С другой стороны, рандори представляет собой тренировку в вольном стиле. В обоих случаях все движения должны выполняться согласно принципу сэйрёку дзэн-ё — «наиболее эффективное использование силы». Дзю-до как спорт Рандори является основой состязания в дзю-до, спортивным элементом системы Кано. Летальные приемы в нем запрещены, и противники пытаются одержать чистую победу благодаря отточенной технике, наиболее эффективному использованию энергии и надлежащего чувства времени. Рандори представляет собой, таким образом, проверку прогресса человека в освоении этого искусства и позволяет ученику оценивать, насколько хорошо он способен действовать в сравнении с другими. Отмечая важность рандори, Кано особо подчеркивает, что соревновательность является лишь частью системы Кодокан Дзю-до, и ее значение не следует переоценивать. Дзю-до как этическая подготовка Обучение Кодокан Дзю-до, по мнению Кано, помогает человеку стать более бдительным, уверенным в себе,

решительным и сосредоточенным. Еще более существенно то, что Кодокан Дзю-до рассматривалось как средство обучения применению другого важнейшего принципа Кано — дзита кеэи, «взаимопомощь и сотрудничество». В применении к общественной жизни, принципы Кодокан Дзю-до — прилежность, гибкость, экономичность, хорошие манеры и этичное поведение — являются огромным благом для всех.

В своих лекциях Кано, кроме того, выделил Пять Принципов дзю-до в повседневной жизни:

1. Внимательно наблюдай за собой и обстоятельствами собственной жизни, внимательно наблюдай за другими людьми, внимательно наблюдай за всем окружающим.

2. Владей инициативой в любом начинании.

3. Осмысливай полностью, действуй решительно.

4. Знай, когда следует остановиться.

5. Придерживайся среднего между радостью и подавленностью, истощением и ленью, безрассудной бравадой и трусостью.

В течение трех последующих десятилетий происходило последовательное распространение Кодокан Дзю-до как на его родине, так и за ее границами. Все эти годы Кано выдерживал полную нагрузку руководителя Кодокана, директора Токийского высшего педагогического училища, члена множества правительственных консультационных комитетов и, с 1909 года, роль главного представителя Японии в Международном Олимпийском Комитете (в довершение, в 1922 году Кано был избран в Палату Пэров). Хотя он продолжал давать лекции и демонстрации по Кодокан Дзю-до, но примерно с тридцати пяти лет очень редко проводил практические занятия.

В 1902 году Кано посетил Китай с целью официального осмотра образовательных заведений. Династия Цин разваливалась, и обстановку в Китае едва ли можно было назвать идеальной. По возвращении Кано расширил академию для обучения китайских студентов, которую он основал несколькими годами ранее в надежде, что эти студенты смогут «сделать глоток свежего воздуха», а вернувшись, помогут в модернизации своей родины. Хотя это не входило в список обязательных дисциплин, некоторые китайские студенты занимались Кодокан Дзю-до во время своей учебы в Токио.

Заморские посетители стали в Кодокане привычным явлением, и в 1903 году американский промышленник Сэмюэл Хилл предложил Йосиаки Ямасите (1875—1935) обучать Кодокан Дзю-до его сына в Соединенных Штатах. Ямасита был известен в Кодокане как первый студент, попытавшийся в течение года

принять участие в 10000 поединков (он лишь немного не дотянул до этого числа, успев сразиться 9617 раз). Ямасита принял предложение Хилла, но, к сожалению, тот не успел предварительно условиться об этом со своей женой, и, когда Ямасита прибыл в Соединенные Штаты, их договор был сорван из-за непреклонной позиции миссис Хилл: «Дзю-до жестоко и грубо».

Однако Хиллу удалось устроить для Ямаситы другое место учителя, а также встречу в Белом Доме с президентом Рузвельтом. После чтения книги Инадзо Нитобэ (1862—1933) «Бусидо: душа Японии» у Рузвельта возник острый интерес к японским боевым искусствам. Президент пожелал увидеть демонстрацию Кодокан Дзю-до, и в результате Ямасита, рост которого составлял пять футов четыре дюйма, а вес 150 фунтов*, встретился с американским борцом, едва ли не вдвое превышавшим его по этим показателям. Ямасита сделал несколько бросков — ив конце концов уложил противника на лопатки. Рузвельт был настолько впечатлен этим, что посодействовал в предоставлении Ямасите должности преподавателя дзю-до в Военно-морской Академии США с окладом в 5000 долларов, что составляло по тем временам поистине королевскую зарплату. Очаровательная жена Ямаситы, которая тоже неплохо владела дзю-до, обучала этому искусству дам из высшего света. Эта супружеская пара провела в Соединенных Штатах два плодотворных года.

Визит Дзёдзиро Томиты и Ми-цуё Маэды (1880—1941) в Белый Дом в следующем, 1904 году был намного менее успешным. Президенту Рузвельту хотелось, чтобы в столице был свой учитель дзю-до, поскольку Ямасита преподавал в другом месте. Кано отрекомендовал на эту роль Томиту, своего старшего ученика. Томита был утонченным и образованным человеком и знал английский язык, но уровень его дзю-до был не таким высоким, как мастерство Сайго, Иокоямы или Ямаситы. Кроме того, за несколько лет до этого события он серьезно повредил плечо. Кано осознавал недостатки Томиты, о чем свидетельствует тот факт, что он отправил вместе с ним Маэду, который в то время считался сильнейшим из молодых учеников дзюдо в Кодокане. Очевидно, идея заключалась в том, чтобы Маэда участвовал в схватках, а Томита разъяснял теорию Кодокан Дзю-до. Этот план успешно сработал во время демонстрации в Вест-Пойнте, где Маэда сперва противостоял атакам футболиста*, а затем — боксера. Однако на приеме в Белом Доме все обернулось не так хорошо. После того, как Томита и Маэда формально представили Кодокан Дзю-до, один футболист из числа

присутствующих неожиданно бросил им вызов. Обстоятельства были таковы, что бороться пришлось Томите, а не Маэде, и это закончилось плачевно: ему не удалось провести бросок, и он немедленно оказался придавленным к полу грузом тела футболиста. Президент Рузвельт дипломатично отвергнул дальнейшие состязания, предположив, что на Томиту, по всей видимости, скверно повлияло изменение климата, после чего они были приглашены на обед в Белый Дом.

Вскоре после этого Томита вернулся в Японию, но Маэда, пристыженный поражением Томиты и истово жаждущий восстано-

Здесь и далее имеется в виду американский футбол. — Прим. перев. вить превосходство Кодокан Дзюдо, остался в Америке. Он уговорил нескольких японских бизнесменов рискнуть тысячей долларов в качестве ставок на состязаниях и вступил в длительную серию поединков с любыми противниками от Северной до Южной Америки. Говорят, что Маэда, рост которого составлял 5 футов 5 дюймов, а вес — 154 фунта*, участвовал в тысяче состязаний, не проиграв ни одного соревнования в стилях, сходных с дзю-до, и потерпев лишь одно-два поражения в поединках с профессиональными борцами. В Бразилии, где он остался до конца своих дней, Маэда стал известен как Конте Комте («Граф Поединка»), а его жесткая система боя, которую сейчас называют «грациозным дзю-дзюцу», используется некоторыми бойцами в современных профессиональных схватках «без запретов».

Примерно в то время, когда Маэда совершал свои бойцовские туры, тем же занимался и американец по имени Эд Сантеру (точное произношение его фамилии неизвестно). В дополнение к тому, что он был первоклассным мастером борьбы в западном стиле, Сантеру очень быстро перенял техники своих противников из направлений дзю-дзюцу и Кодокан Дзю-до (кроме вышеупомянутых представителей Кодокан Дзю-до, множество воспитанников других школ появлялось в Америке уже с 1880 года). Обогатившие опыт сражений Сантеру японские мастера боевых искусств потеряли для него элемент неожиданности, и очень скоро он начал регулярно побеждать представителей Кодокан Дзю-до или, по меньшей мере, сводить поединки с ними вничью. Говорят, что он брал приступом даже японские центры, а позже объявил себя чемпионом мира по дзю-до. Его последний документированный поединок прошел в 1924 году в Лос-Анжелесе против представителя Кодокан Дзю-до по имени Ота; три раунда этой схватки закончились ничьей.

Кано с самого начала не одобрял подобной практики свободных состязаний — именно за нарушение этого правила он

исключил из школы своего любимого и многообещающего ученика Сайго — и несколько раз устанавливал запреты, в которых осуждал подобные соревнования как «противоречащие духу Кодокан Дзю-до». Никогда за все то время, пока Кано возглавлял Кодокан Дзю-до, его целью не была победа в поединке любой ценой. Уже в преклонном возрасте, после посещения одного из состязаний, чрезвычайно разочарованный Кано собрал его участников и отругал их: «Вы сражаетесь, как молодые быки, сталкивающиеся рогами; ни в одном из приемов, которые я сегодня видел, не было ни отточенности, ни изящества. Я никогда не учил никого такому Кодокан Дзю-до. Если все вы будете думать только о победе с помощью грубой силы, наступит конец Кодокан Дзю-до».

Время вновь и вновь доказывало тщетность попыток полагаться исключительно на технику. К примеру, в 1929 году гордые и самоуверенные члены Клуба Дзю-до при Университете Васэда отправились в Соединенные Штаты для участия в турнире с Клубом Борьбы Вашингтонского университета. Первый тур проводился по правилам Кодокан Дзю-до, и японцы победили со счетом 10:0. Во втором туре использовались правила борьбы в западном стиле, и на этот раз со счетом 10:0 победили американцы. Правила последнего раунда определялись жребием, подброшенной монетой. Удача улыбнулась японцам, но вместо того, чтобы подтвердить ожидания легкой победы, они проиграли или свели вничью все схватки, за исключением одной. В то время как представители дзю-до из университета Васэда пребывали в замешательстве и смущении от неизвестного стиля своих противников, борцы из Вашингтонского Университета быстро научились тому, чего можно ожидать от японцев, и соответственно видоизменили свои приемы; в результате они победили японцев «на их территории».

Хотя большинство подобных срстязаний проходило в Соединенных Штатах, Кодокан Дзю-до уверенно прокладывало свой путь и в Европе. Как обычно, первоначальный интерес возбуждался новостями о том, что маленькие японцы легкими ударами укладывали на землю крупных европейцев, но, как только новизна таких сообщений иссякла, начались серьезные занятия Кодокан Дзю-до. Интересно, что практика дзю-до стала очень популярной среди британских суфражисток, и уже в 1913 году там сформировалась группа владеющих дзю-до женщин, называющаяся «Телохранитель»; задачей группы была защита активисток движения от силового сопротивления мужчин.

Во время русско-японской войны 1904—1905 годов многие старшие воспитанники Кодокана, включая генерала Хиросэ и

адмирала Асано, погибли в боях. Кано предостерегал своих соотечественников от ложной самоуверенности после неожиданных побед Японии над Китаем и Россией. Китай, отягощенный безнадежно продажным имперским двором и устаревшей армией, терпел поражение изнутри; Россия была не способна в дос- таточной мере снабжать отдаленный Дальний Восток войсками и боевой техникой, но, если бы война велась поближе к Москве, ее результаты могли бы быть совершенно противоположными. «Война никогда не идет на пользу, — писал Кано, — и непрерывные сражения рано или поздно приводят к поражению». В

1906 году Кодокан вновь расширяется; на сей раз он переезжает в додзё на двести семь матов в районе Симо-Томисака-тё. Примерно в то же время стандартом становится дзю-до-ги (форменная одежда дзюдо) в том виде, в каком она известна нам сегодня (прежде брюки часто были очень короткими, а куртки шились по самым разным образцам). В 1908 году японский парламент принимает закон об обязательном обучении кэн-до или дзюдо в средних школах.

В 1909 году Кано избирается первым японским представителем в Международном Олимпийском Комитете. Хотя Кано был предельно добросовестным членом этого комитета и в конце концов добился проведения Олимпийских Игр 1940 года в Токио, он занимал довольно неоднозначную позицию по отношению к введению Кодокан Дзюдо в программу Олимпийских Игр. Как уже упоминалось, Кано был глубоко обеспокоен возрастанием значения спортивных побед и боялся, что олимпийское дзю-до может стать орудием национализма. Разумеется, он одобрял открытые международные турниры, но не хотел, чтобы они стали формой противостояния между различными странами и мерилом расового превосходства (дзю-до вошло в список олимпийских видов спорта лишь в 1964 году, спустя много лет после смерти Кано, и следует признать, что демонстрируемое на Олимпиадах дзю-до имело мало общего с исходными идеалами Кодокан Дзю-до).

С 1910 по 1920 годы Кано неутомимо продолжал преподавание и поездки. В возрасте шестидесяти лет он покинул пост директора Токийского высшего педагогического училища и отправился в длительное путешествие по Европе и Соединенным Штатам. Большое землетрясение в Канто в 1923 году пощадило Кодокан и не причинило ему серьезных повреждений, поэтому поездки и лекции Кано продолжались. Помимо прочего, он выступил с речью «Необходимость английского образования в современном международном обществе». В 1926 году в Кодокане

было официально открыто женское отделение. Кано всегда активно призывал женщин к практике дзю-до; он часто повторял: «Если вы хотите по-настоящему понять дзю-до, понаблюдайте за тренирующейся женщиной». Вероятно, самой одаренной ученицей Кано была Кэйко Фукудо (род. в 1914), внучка его первого учителя Хатиносукэ Фуку-ды, автора англоязычной книги «Рожденный на ковре».

В 1927 году Кано довелось побывать на Окинаве, и он занялся изучением местной культуры, в том числе и каратэ. Там Кано стал свидетелем схватки мангусты и смертельно ядовитой гадюки (подобные представления до сих пор уст- раиваются для туристов). Как обычно, мангуста быстро расправилась со змеей, поскольку, по наблюдениям Кано, использовала дзюдо: «Она увертывалась от ударов гадюки и тут же, с совершенной своевременностью, контратаковала».

Во время его пребывания па Окинаве у Кано спросили, как практикующий дзю-до должен вести себя при столкновении с диким животным. «Самое опасное животное, с которым можно встретиться на крупных островах Японии, — медведь. Медведи становятся свирепыми, когда они зажаты в угол, но их можно отпугнуть громкими звуками или ярким огнем. В лучших традициях дзю-до удерживать медведя на расстоянии и вести себя предельно осторожно, не пытаясь сражаться с ним лицом к лицу».

В 1929 году индийский философ и Нобелевский лауреат Рабин-дранат Тагор посетил Кодокан и попросил Кано прислать учителя дзю-до для преподавания в университете, который Тагор основал в Бомбее. Дзю-до, мягкий путь, пустило корни среди индусов и до сих пор широко распространено в Индии.

Последние двадцать пять лет жизни Кано прошли в почти непрерывных путешествиях по родине и за границей. За свою жизнь он тринадцать раз пересек океан и посетил четыре континента. Несмотря на непрестанные сложные поездки, Кано никогда не жаловался на усталость; ему не нравилось слышать фразу «Оцукарэ-сама дэсита» («Вы, должно быть, устали?»), и, возвращаясь из очередного путешествия, он отмахивался от любого подобного приветствия. , Кано любил жизнь. Он наслаждался хорошей кухней и приятными напитками Востока и Запада (но ненавидел курение; он мог отказаться от присутствия на банкете, на котором было разрешено курить). Полный энтузиазма каллиграф и заядлый игрок в сякухати, Кано покровительствовал традиционным японским искусствам, в частности классической музыке и танцу. Ему очень нравились серьезные беседы о внутренних и международных делах, и нередко споры в его кабинете в Кодокане затягивались далеко за

полночь.

Нет ничего неожиданного в том, что при таком непоседливом образе жизни Кано скончался во время путешествия. В 1938 году Кано отправился в Каир на заседание Олимпийского Комитета, на котором обсуждалась организация Олимпийских Игр 1940 года в Токио (в конце концов, эта Олимпиада была сорвана из-за начала Второй мировой войны). Европейские представители предлагали провести Игры в августе, но Кано предложил сентябрь: «В августе в Японии очень жарко и влажно. Японцы, которые привыкли к такой удушливой жаре, получат решающее преимущество перед спортсменами других стран».

Возвращаясь в Токио на судне «Хикава-мару», Кано заболел и тихо скончался 4 мая 1938 года, в возрасте семидесяти восьми лет.

Жизнь и учение Кано лучше всего отражаются словами, которые он писал, создавая Кодокан Дзю-до: «Учение одного добродетельного человека способно повлиять на многих; то, что было хорошо усвоено одним поколением, будет передано сотням поколений»

Канрё Хигасионна "Священный Кулак" Это имя не вселяет в меня благоговейный трепет и не заставляет преклонять колени в виде фанатической благодарности за то, что совершил некогда этот человек. Но я искренне верю, что без таких ярких личностей история каратэ была бы похожа на технический справочник, скучный и безынтересный… Канрё Хигасионна родился 10 марта 1853 года в селении Нисимура (Западный посёлок), являвшимся одним из районов города Наха. Он был четвёртым сыном Канъё Хигасионны и его жены Макадо. В детстве он не был гигантом, но отличался от природы хорошим здоровьем и с юных лет проявлял интерес к воинским искусствам. С малолетства он помогал отцу в его работе. Хигасионна-старший владел небольшим морским судном (простой джонкой) и торговал дровами, курсируя между мелкими островками, расположенными недалеко от Окинавы. У Канрё был родственник по имени Канъю Хигасионна, который был на пять лет его старше и занимался воинскими искусствами.

Впервые к занятиям воинскими искусствами Канрё в 1867 году под руководством мастера Сэйсё Арагаки (второе прочтение его фамилии - Ниигаки) (1840-1918 (или 1920)) по прозвищу "Мая", что означает на окинавском диалекте "Кот". Чуть более трёх лет Хигасионна обучался у него, пока в 1870 году наставника вместе с официальными лицами не отправили в Бэйцзин - ныне столица Китая Пекин (Арагаки был переводчиком). Сэйсё Арагаки и Тайтэй Кодзё Перед отбытием за море Арагаки представил своего талантливого ученика своему

другу, эксперту кэмпо Тайтэй Кодзё (1837-1917гг) (он известен по прозвищу Гокэн Танмэй, что означает "старик с тяжёлым кулаком") и другу семьи Тёмэй Удун Ёсимура (1830-1898гг). Знакомство с ними должно было обезопасить путешествие в Китай, которое юный Хигасионна решил предпринять, и избавить от беспокойств по поводу поиска жилья в чужой незнакомой стране. Тайтэй Кодзё являлся мастером воинского искусства, точнее семейной его ветви, которая уже в XX веке оформилась как клановая школа каратэ - Кодзё-рю. Члены семьи Кодзё (китайское прочтение фамилии – Сай) были выходцами из Китая, которые в 1392 году по приказу своего императора образовали поселение "Тридцати шести семей" в Кумэ на Окинаве. Они сохранили связи с родственникам на материке – в портовом городе Фучжоу, где один из них – Кахо Кодзё (1849-1925гг) имел собственное додзё. А Тёмэй Удун Ёсимура был правительственным чиновником и часто выезжал по государственным делам в "Срединную империю", как раньше называли Китай. Он представил Канрё владельцу судна, на котором юноша направился в путешествие. Корабль достиг берегов побережья материка через восемь дней пути.

Морио Хигаонна утверждает, что старший Хигасионна погиб в жестокой драке, поэтому Канрё намеревался отомстить обидчику и делал ставку на своё мастерство, которое намеревался повысить в результате поездки в "Мекку воинских искусств" – Китай. Я слышал и иную теорию. Норими Госэй Ямагути, сын Гогэна, главы Ямагути Годзю-кай, утверждает, будто Тёмэй Ёсимура был настроен прокитайски и пытался противостоять заселению Окинавы ненавистными ему японцами. В Китай Хигасионна направился с письмом от него, которое надо было передать руководству окинавской общины "Рюкю-Кан" в Фучжоу, а оно, в свою очередь, переправило бы это послание китайским властям. Учителем Хигасионны стал некий Рюру Ко. Скорее всего, Хигасионна познакомился с ним в додзё мастера Кахо Кодзё. В нём преподавали многие мастера китайского гунфу, в том числе окинавец Кёэй Удон Макабэ, китайцы Ива и Вай Синдзан. По-видимому, посещал этот небольшой зал и Рюру Ко, ставший потом наставником Хигасионны. По данным Ассоциации У-Шу г. Фучжоу, Рюру Ко был сапожником и был основателем стиля "Кричащий журавль". "Рюрю" было его прозвищем, которое означает "продолжать", а "Ко", как уже было сказано – "старший брат". Ещё мы знаем, что Се Чжонсянь был учеником прославленного мастера Пан Юба, который в свою очередь обучался у Ли Синьшаня, специалиста стиля Белый журавль

(Байхэ-цюань).

Не все исследователи разделяют ту точку зрения, что Се Чжонсян был человеком, учившим Канрё Хигасионна. Окинавский историк каратэ Акио Киндзё (направление Дзюкэндо) и Ли Йидуань, специалист У-Шу из Фучжоу, считают, что учителем Канрё мог быть другой человек с тем же прозвищем. Они отмечают, что Се и Канрё были почти ровесники, а Хигасионна, якобы, называл его стариком. Основываясь на утверждении Хигасионна, что Рюру Ко был ремесленником, работавшим по бамбуку, и жил в двухэтажном доме, они говорят, что сапожник Се - другой человек. Выслушаем доводы Патрика МакКарти. В свете существующих доказательств можно утверждать, что в данном случае такой малый разрыв в возрасте ничего не значит. Не существует доказательств того, что сам Хигасионна называл Рюру Ко “стариком”. Хотя Се Чжонсян и был сапожником, его отец был ремесленником, изготовляющим из бамбука различные предметы, и действительно жил в двухэтажном доме. Некоторые факты просто изменились под воздействием времени, точнее, их исказили люди. Мне кажется, то, что учителем Хигасионна был всё же Се Чжонсян - дело доказанное.

Вот он, тот самый мистический мастер Рюру Ко... Итак, Рюру Ко – это мастер китайского гунфу стиля Кричащий Журавль. Он был всего лишь на год старше Хигасионны (род. в июле 1852 – ум. в феврале 1930), и являлся ему скорее старшим братом, нежели учителем в обычном понимании этого слова. Именно часть его имени "Ко" означает "старший брат". Так в Китайских школах воинских искусств почтительно обращались к человеку, который был более уважаемым, и был выше по уровню мастерства. При этом Хигасионна начал постигать секреты гунфу под его руководством только в 1877 году, то есть через четыре года после того, как прибыл в Фучжоу! Скорее всего, он всё это время занимался в додзё Кахо Кодзё, причём его учителем на том момент мог быть и Вай Ксинксян, которого устная традиция называет почему-то помощником Рюру Ко.

Морио Хигаонна, рассказывая о тренировках Хигасионны, упоминал, что кроме ката тот изучал технику Шуай-Цзяо, то есть упражнения с традиционными приспособлениями для развития физической и внутренней силы (такими как тиси, саси-иси, макивара и так далее), а также приёмы Коки (окинавцы называют данный раздел каратэ Какиэ). Изучались также приёмы раздела Нэ-вадза, то есть защиты, лёжа на земле. По словам Морио Хигаонны, Рюру часто давал ученикам задание лезть в большую бамбуковую корзину, где ученики пытались применять друг на

друге приёмы. Это должно было обеспечить им получение навыков боя в ограниченном пространстве.

Ещё Хигаонне довелось слышать рассказы о том, как проходили тренировки у Рюру. Если верить им, Рюру зарабатывал на жизнь тем, что строил кирпичные дома, и, кроме того, плёл корзины и всяческие предметы быта из бамбука. Однажды, к нему заявился молодой человек, возомнивший себя мастером рукопашного боя, и намереваясь не то вызвать на бой Рюру, не то просто похвастать своей силой, схватил толстенный бамбуковый шест, и, напрягшись, переломил его пополам. Хигасионна, присутствовавший при этом, только открыл рот: это была демонстрация невиданной силы! Но и Рюру был не промах. В ответ он взял такую же бамбуковую палку и, чтобы вы думали? Он её разорвал! Не поломал, а именно разорвал, растягивая в стороны за разные концы! Хигасионна вернулся на родину в 1882 году (хотя на сей счёт имеются сомнения: недавно было установлено, что Хигасионна мог пробыть в Китае только года три-четыре, но не это важно). Как только Канрё ступил на родную землю, он нанёс визит Удону Ёсимуре. Ёсимура был весьма польщён уважительным к нему отношением и попросил Хигасионну взять в ученики своего второго сына –Тёги Ёсимуру (1866-1945гг). Тот проявлял огромный интерес к воинским искусствам, и потому принялся упорно тренироваться. Мураками Кацуми, ученик Кёды, утверждал в своей книге "Каратэ-до и Рюкю Кобудо", что Канрё преподавал Сантин как ката типа "киттэйтэки", то есть ката, которую необходимо осваивать как минимум несколько лет подряд. Все остальные ката выстраивались в следующем порядке: Сэйсан, Сансэру и Пэттюрин. Мастерство Хигасионны было блестящим. Скорость его передвижений поражала воображение. Сила удара ногой была настолько велика, что он даже при своём небольшом росте мог разбить толстые прочные доски, которые применялись для строительства лодок. За это люди его прозвали "Аси-но-Хигасионна". Ещё одним его прозвищем было "Кэнсэй", то есть "Священный Кулак". Кэнко Накаима (10 дан, глава стиля Рюэй-рю) рассказывал, как его отец Кэнтю Накаима часто упоминал, что хорошим другом Хигасионны был Буси Куниси (Синкити Куниёси). Хотя в жизни они никогда не соперничали друг с другом, Куниёси однажды сказал Канрё: "Если бы мне не повезло и ты ударил меня ногой, то моя нога бы наверняка сломалась", на что Хигасионна ответил: "Если б ты ударил меня кулаком, я бы, несомненно, был повержен в прах". Накаима описывал спарринг Хигасионны как "лёгкий, отличающийся необычайной работой ног и быстрыми ударами ногами в нижний уровень".

Он не был просто тренером в обыденном понимании этого слова. Он был учителем с большой буквы. Хигасионна придерживался определённых норм и принципов, хотя "ничто человеческое" ему не было чуждо. Он часто говорил Дзюхацу Кёда, что "предназначение каратэ не причинять людям боль и калечить их, а помогать обществу". Любимым высказыванием мастера было: "Каратэ нуждается в технике, и каратэ нуждается в цели". Чтобы лучше характеризовать личность Хигасионны, можно привести ещё одно выражение, принадлежащее ему: "В воинских искусствах важное место занимает духовное совершенствование, поэтому запомните: если в вашей жизни что-то преградит вам путь, сверните и обойдите это"…

Лучшими учениками были Тёги Ёсимура (1866-1945гг), Дзюхацу Кёда, Тёдзюн Мияги, Сирома Симпан, Хохицу Гусимиягусуку (1892-1966гг), Сэйбун Накамото, Тайдзо Табара, Рэй Сакима, Ёситэру Икэмиягусуку, Томонори Дзитияку, Соки Ура и Кэнва Мабуни.

Хигасионна с родственниками и знакомыми.

Два снимка, сделанные в разное время

(на первом он второй справа в первом ряду, на втором - в центре).

На фото слева в середине заднего ряда стоит Тёдзюн Мияги Масутацу Ояма Масутацу Ояма родился 27-ого июля 1923 года, в деревне Южной Кореи. Боевыми искусствами Ояма стал заниматься довольно поздно, с 9-ти лет. В 1938 году, в возрасте 15 лет, он уехал в Японию, и поступил в авиационное училище, чтобы стать летчиком, подобно герою его времени, первому летчику-истребителю из Кореи. Выжить в тех нелегких условиях в том возрасте, оказалось более трудным чем, он думал, тем более что корейцы обучающиеся в летных училищах Японии были на правах чужих.Несмотря на тяжелое время в своей жизни он продолжал заниматься боевыми искусствами,занимаясь дзюдо и боксом,и однажды он заметил студентов, обучающихся Окинава Каратэ (Okinawa karate). Это заинтересовало его, и он поехал в доджо (dojo) Гичин Фунакоши (Gichin Funakoshi) в Университете Такушоку (Takushoku), где он изучил то, что сегодня известно как Шотокан (Shotokan) Каратэ. Его прогресс в тренировках был таким, что к семнадцати годам он был уже вторым Даном, и к моменту поступления на службу в Японскую Имперскую Армию в 20 летнем возрасте, он был четвертым Даном. В это время он также серьезно заинтересовался дзюдо, и его прогресс в этом виде боевого искусства был неменее удивительным. К моменту завершения тренировок по дзюдо он, меньше чем за четыре года с

начала тренировок, достиг четвертого Дана в дзюдо. Становление Мастера После поражения Японии во Второй Мировой войне, Мас Ояма впал в отчаяние и депрессию и почти забросил тренировки. К счастью для нас, Так Нэй Шу уже вошел в его жизнь. В то время мастер Так, кореец, земляк Оямы, живущий в Японии, был одним из лучших мастеров Годжу Рю (Goju Ryu) . Он был известен, своей физической и духовной силой. Именно он поощрял Мас Ояму, посвятить жизнь Воинскому Пути. Он предложил, чтобы Ояма уединился от общества и в течение 3 лет занимался тренировкой духа и тела.

В 23 летнем возрасте Мас Ояма встретил Эиджи Йошикаву (Eiji Yoshikawa),автора романа “Мусаши” (Musashi), основаного на жизни и и деятельности наиболее известного Самурая Японии. И роман, и автор помогли Мас Ояме глубже понять кодекс Самурая - Бушидо и его смысл. В тот год Ояма отправился на гору Минобу (Minobu) в Префектуре Чиба (Chiba), где Мусаши основал свой стиль боя на мечах Нито-Рю (Nito-Ryu).Ояма думал, что это будет соответствующим местом, чтобы начать суровые тренировки. Среди вещей, взятых с собой, была копия книги Иошикавы. Студент по имени Яширо (Yashiro) пошел с ним. Одиночество очень тяжело переносилось, и после 6 месяцев тренировок Яширо тайно сбежал ночью. Это тяжело сказалось на Ояме потому, что желание возвратиться в общество стало еще сильнее. Так Ней Шу большим количеством примеров убедил Ояму продолжить тренировки, и Ояма принял решение стать сильнейшим каратистом Японии.

Вскоре, однако, человек, снабжавший Ояму средствами на проживание, информировал его, что не способен больше поддержать Ояму и вот, после четырнадцати месяцев, Ояма был вынужден закончить свое уединение. Через несколько месяцев, в 1947 году, Мас Ояма выиграл Первый национальный Всеяпонский турнир по каратэ после Второй мировой войны. Однако он все еще чувствовал в душе пустоту из-за того, что не смог провести три года в уединении. И тогда Ояма решил полностью посвятить свою жизнь каратэ.

Так что он начал снова, в этот раз на горе Кийозуми

(Kiyozumi), также в префектуре Чиба (Chiba). Это место он выбрал для своего духовного подъема. Теперь его тренировки были фанатическими по нагрузкам — 12 часов в день, каждый день без дня перерыва, стоя под холодными струями водопадов, бросая речные камни своими руками, используя деревья как макивару(makiwara),совершая сотни отжиманий в день. Каждый день также включал изучение научных трудов классиков Боевых искусств, Дзэн и философии. После восемнадцати месяцев он завершил свое уединение уверенным в себе и способным полностью себя контролировать. В период недолгой, но плодотворной аскезы в горах Ояма жил по строго разработанному режиму, который нередко фигурирует в биографиях мастера и служит назиданием легкомысленным ученикам:

4 часа утра - подъем. Медитация с закрытыми глазами - 10 мин. Бег трусцой по горам - 2 часа.

7 часов утра - приготовление пищи.

8 часов утра - трапеза, совмещающая завтрак и обед.

9 часов утра - начало тренировок. Десять раз выполнить комплекс из пяти упражнений:

1) поднять 20 раз шестидесятикилограммовую штангу;

2) отжаться на пальцах 20 раз;

3) отжаться в стойке на руках 20 раз;

4) подтянуться на перекладине 20 раз;

5) нанести по 20 ударов кулаком справа и слева в макивару.

После выполнения каждого комплекса сделать дыхательные упражнения и немедленно приступать к следующему комплексу. После десятикратного выполнения указанного комплекса отдых до 11 часов. 11 часов утра - выполнение ката.

При этом ежедневно выполнять по 100 раз какую-либо одну ката. Например, в первый день Хэйан-1, во второй Хэйан-2 и т. д., пока не будут выполнены все пять комплексов Хэйан, а затем выполнять их в обратном порядке. То же самое проделать с остальными ката. 2 часа пополудни - поднятие тяжестей. Поднять шестидесятикилограммовую штангу 20 раз, затем постепенно наращивать нагрузку. Сделать 1000 отжиманий: 200 раз на двух пальцах, 200 раз на четырех пальцах, 400 раз на пяти пальцах.

Перед каждым комплексом делать небольшой перерыв. Иногда для разнообразия делать 1000 отжиманий на кулаках с перерывом после 500. 3 часа пополудни - разработка приемов спарринга; упражнения с макиварой; лазание по канату;

упражнения для брюшного пресса - 200 раз; разбивание камней. 5 часов пополудни - приготовление пищи. Ужин. 6 часов пополудни - медитация и отход ко сну. В добавление к этому красноречивому документу заметим, что многие подвижники и энтузиасты кэмпо придерживались подобного распорядка дня не год и не два, а двадцать, тридцать лет или всю жизнь. Показательные бои Тем не менее для мастера, решившего бросить вызов крупнейшим школам, желающего внедрить новую методику обучения каратэ, одной победы на чемпионате было явно недостаточно. Человек, вполне современного склада, Ояма быстро понял, что помочь ему в таком смелом начинании сможет только шумная реклама.

С присущей ему целеустремленностью он занялся подготовкой грандиозной рекламной компании, оттачивая чисто трюковые номера. В 1949 г. он поселился в лачуге возле городской бойни и провел там семь месяцев, изучая повадки животных. Он разработал новый способ убоя быков голыми руками, научившись отрубать животным рога под корень ударом "рука-меч". В 1950 году, основатель (Sosai) Мас Ояма начал демонстрировать свою силу, борясь с быками. Всего, он боролся с 52 быками, три из которых были убиты, и 49 быкам обрубил рога ударом руки “шуто” (shuto). Нельзя говорить о том, что ему это было легко сделать. Ояма любил вспомнить о своей первой попытке, закончившейся лишь тем, что разъярил быка. В 1957 году в Мексике, в возрасте 34 лет, он был на грани смерти, когда бык рогом пропорол Ояму. Ояма сумел свалить быка и отрубить ему рог. Он был прикован к постели в течение 6 месяцев, восстанавливаясь от обычно смертельной раны. Общество защиты животных Японии выступило с протестом против боев Оямы с животными после того как Ояма объявил о намерении провести бои с тигром и медведем, хотя быки, убитые Оямой были предназначены для бойни. В 1952 году, Ояма отправился в гастрольную поездку по Соединенным Штатам, где произвел фурор и привел в полнейшее смятение публику, демонстрируя сверхчеловеческие номера. В самом деле, как должны были реагировать американские зрители, когда заезжий мастер колол, будто фарфоровые, огромные булыжники, сносил горлышки пивным бутылкам, и бутылки при этом не падали, бил себя молотком по костяшкам пальцев, пробивал руками и ногами толстенные доски, уложенную в пятнадцать-двадцать слоев черепицу и лежащие друг на друге три-четыре кирпича?

Ояма путешествовал по Соединенным Штатам в течение года, демонстрируя свое мастерство каратэ вживую и по национальному телевидению. В течение последующих лет, Ояма

вызывал на поединок мастеров различных видов боевых искусств, в том числе и боксеров, и провел 270 поединков с различными бойцами. Большинство бойцов было побеждено одним ударом! Борьба никогда не продолжалась больше трех раундов, и очень редко продолжалась больше нескольких секунд. Его принцип борьбы был прост: он сближался с соперником и наносил удар, в результате которого соперник получал перелом. Если соперник блокировал удар, то блок был смят или разбит. Если соперник не блокировал атаку, то ребра были сломаны.

Ояма стал известным как “Рука Господа” (Godhand), как живое проявление принципа японских воинов "Один удар - смерть". Это было истинной целью техники каратэ.Замысловатая техника ног и сложные приемы были вторичны (хотя применялись им весьма эффективно). Доджо Оямы (Oyama Dojo) В 1953 году, Мас Ояма открыл свой первый доджо (Dojo) в Медзиро (Mejiro) в городе Токио. В 1956 году, первый постоянный доджо был открыт в прежней студии балета за территорией Университета Риккио (Rikkyo), в 500 метрах от нынешнего Японского центрального Доджо (honbu dojo). К 1957 году было 700 членов, несмотря на большое количество не выдержавших тяжелых изнурительных тренировок. Практики других стилей приезжали в доджо Мас Оямы, чтобы обучиться здесь полноконтактной борьбе.

Один из первых инструкторов, Кенджи Като, говорил вновь прибывшим специалистам других стилей, чтобы соблюдалась техника других стилей, и изучались любые приемы и методы, которые "были бы хороши в реальной борьбе ". Это и было то каратэ, которое развивалось Мас Оямой. Он брал методы и приемы из всех боевых искусств и не ограничивал себя одним каратэ. Члены доджо Оямы серьезно подходили к изучению боевых приемов, видя в этом прежде всего искусство ведения боя. Небольшие ограничения были введены при проведении кумитэ – удары в голову наносились открытой ладонью или костяшками кулака, обернутыми полотенцем. Захваты, броски, и удары в пах были обычным явлением. Раунды кумитэ продолжались до объявления полного поражения. Травмы были обычным явлением, и отсев учеников был очень высок (более чем 90 %). Ученики не имели никаких снисхождений независимо от их официального должностного статуса, каждый получали то, что он заслужил.

Теперь наконец-то можно было подумать об открытии собственной школы.Ояма приступил к созданию новой школы каратэ - Киокушинкай (Общество Абсолютной истины), открыто противопоставив ее всем ранее существовавшим направлениям и стилям кэмпо. Киокушинкай Мировой центр школы Мас Оямы

был официально открыт в июне 1964 года, и было принято название Киокушин, имеющее значение - " Окончательная истина ". С тех пор, Киокушин распространился больше чем по 120 странам мира, и на настоящий момент зарегистрированных членов IKO, более 12 миллионов, то есть это одна из самых больших организаций Боевого искусства в мире. Среди известных всем людей из мира Киокушин: Шен Коннери (Sean Connery) - Почетный первый дан (shodan), Дольф Лундгрен третий дан(sandan) - Австралийский экс-чемпион в тяжелом весе, Президент ЮАР Нельсон Мандела - Почетный восьмой дан(hachidan), Австралийский Премьер-министр Джон Говард - Почетный пятый дан (godan), которому черный пояс был вручен при официальном открытииКиокушин доджо в Сиднее в июне 1988 года. Но что это - триумф нового учения? Нет, скорее оптимальная реализация всего наследия кэмпо, бессмертных заветов старых мастеров.

Сам Ояма не скрывал эклектической направленности своей школы. Отказавшись от догматических установок традиционных воинских искусств и прежде всего от узкосектантского подхода, он предпринял генеральную ревизию всех видов единоборств без оружия и с оружием с целью отобрать необходимые для своей системы элементы. Все они в комплексе призваны были обеспечить требования школы: силу, стойкость, эффективность.

Ояма ввел множество новых, заимствованых и изобретеных комбинаций в тактику свободного спарринга (дзю-кумитэ), тем самым, бесспорно, пополнив арсенал каратэ, хотя в его разработках мы и не найдем стройной системы, увязанной с философскими и космогоническими моделями, какой могли похвастаться старые континентальные школы. В области философии Ояма идет в русле традиционных учений. Изучив труды Такуана, Миямото Мусаси и других мастеров прошлого, он развивает их идеи о слиянии человека со Вселенной, о преобразовании духа-разума в Пустоту посредством практики Дзэн. Стремясь преодолеть разрыв между абстрактными построениями дзэнской логики и реальностью современной жизни, он подчеркивает интравертную сущность самопознания: Ничто в Дзэн не противопоставлено существованию.

Это не есть относительное Ничто. Прийти к нему можно лишь преодолев антиномии жизнь-смерть и победа-поражение. Видную роль отводит Ояма продолжительной сидячей медитации - дза-дзэн и обязательной кратковременной медитации с закрытыми глазами, предваряющей и заключающей тренировки, моку-со. И все же главное в системе Ояма, что находит отклик в сердцах миллионов, не сухая теория, не медитация и не разучивание

вполне стандартных ката, а практическая отдача, максимальная эффективность.

Для своих учеников Ояма разработал целый каскад головокружительных трюков, воплощающих высшие достижения каратэ на физическом уровне: - пробивание подвешенного на двух нитках листа тонкой рисовой бумаги ударами кулака и пальцев руки; - раскалывание подвешенной на веревке доски (или кирпича) ударами кулака, локтя, ребром ладони, ребром стопы и передней частью стопы из положения стоя на земле или в прыжке; - раскалывание нескольких дюймовых досок в руках двух ассистентов всеми возможными ударами рук и ног, в том числе и в прыжке на высоте около двух метров; - раскалывание плавающей в бочке с водой дюймовой доски; - раскалывание руками, ногами и головой до двадцати слоев черепицы; - раскалывание ударом "рука-меч" или "железный молот" трех положенных друг на друга кирпичей; - раскалывание ударом "рука-меч" трех уложенных друг над другом с промежутками ледяных плит толщиной в три дюйма каждая; - пробивание рукой и головой ледяной глыбы; - раскалывание массивных булыжников основанием ребра ладони; - отрубание горлышка стоящей бутылки; - проникновение ударом "рука-копье" в плотно связанный пучок бамбуковых прутьев;

- пронзание ударом "рука-копье" подвешенной коровьей туши. Все описанные действия относятся, соответственно, к категории позитивных (Ян), воплощая принцип активного нападения. Не менее важное место в демонстрационной программе Киокушинкай занимают и номера, раскрывающие удивительную способность организма к пассивному сопротивлению и относящиеся к категории негативных (Инь). Например, палка толщиной в два дюйма ломается при ударе о голову, спину, грудь, руки или ноги спокойно стоящего человека. Или такое: человек ложится спиной на утыканную гвоздями доску, на грудь ему кладут гранитный валун весом не менее 50 килограммов и разбивают валун ударом кувалды. Впечатляюще. Впрочем, еще более невероятные трюки демонстрируют индийские йоги-факиры или китайские мастера цигун.

Силовые номера в Киокушинкай сочетаются со всевозможными пробами на быстроту, четкость и точность. Здесь следует упомянуть гашение свечи на расстоянии различными ударами рук и ног, разрубание ребром ладони спичечного коробка из тонкой фанеры, выдергивание бумажного листа из-под пачки сигарет, стакана или стоящей сигареты, стряхивание пепла с зажженной сигареты в зубах партнера ударом ноги и тому подобные фокусы, рассчитанные на зрелищный эффект.

Однако Ояма привлекал сторонников не только цирковыми представлениями. Он лично тренировал спортсменов из многих стран, путешествовал по всему миру с лекциями и показательными выступлениями. Его перу принадлежит немало книг, брошюр, технических пособий и разработок. По его заказу снято множество рекламных фильмов - документальных и художественных. Но что особенно важно - его питомцы побеждают на чемпионатах. И не случайно его школа Киокушинкай не входит во Всеяпонскую федерацию каратэ, противопоставив ей свою Всемирную федерацию.

Ояма шел своим путём. Мотобу Чохэ Мотобу происходил из семьи, известной своими мастерами боевого искусства. Семейный стиль назывался «Го-тэн-тэ», или «Мотобу-тэ» и брал начало от Мотобу Чохэ (позже свой стиль Чоки стал называть «Мотобу-Ха-Косё-рю-кэнпо-кара-тэ»). В конце XIX века патриархом Го-тэн-тэ был Мотобу Чомура, обучивший троих сыновей: Чою (умер в 1926 году), Чодзюна и Чоки. Мотобу Чою, как старший из сыновей, стал официальным преемником стиля и полноправным наследником отца.

Позже он передал право на преподавание семейного искусства «чужаку» — Уэхара Сэйки-чи (родился в 1903 году), так как Чоки уехал жить в Японию. Еще позже, в 1949 году, Уэхара создал свой собственный стиль и назвал его «Мотобу-рю»! Мотобу Чоки изучал, помимо Го-тэн-тэ, несколько стилей направления Сёрин-рю. Его учителями были Мацумура Сокон, Мацу мура Косаку, Итосу Ясуцунэ. Однако самое большое влияние на его формирование оказала «школа улицы». Наделенный огромной физической силой и агрессивный, Мотобу очень быстро стал одним из самых известных бойцов Окинавы. Стиль Мотобу Чоки отличался естественными позициями, более высокими стойками, чем в других окинав-ских стилях, вольной интерпретацией понятия «хикитэ» и явным стремлением к бою на ближней дистанции.

Он также настаивал на необходимости атаковать и защищать центральную линию тела. В этом стиле жесткие яростные атаки сочетались с мягкими отводящими блоками и грациозными перемещениями. Впрочем, блоки иногда были такими, что ломали руки противникам. А за свои непредсказуемые движения Чоки получил прозвище «обезьяна». Что касается практики «кумитэ», то стиль Мотобу Чоки был жестко контактным и ставил своей целью нокаут. Отсюда еще одно прозвище Чоки — «тэйдзикун» (приблизительный перевод с окинавского звучит как «убивающий кулак»). Одним из любимых приемов Мотобу был «кэйко-кэн-учи», посредством которого он ломал доску любой

макивары.

В этой связи любопытно привести мнение одного из его учеников, мастера На-гаминэ Сёсина: «Ни один каратист в истории Окинавы не мог сравниться с Мотобу в разрушительной силе кэйкокэн!» В практике ката Чоки отдавал предпочтение Найханчи в различных ва-риантах ее применения. Итак, приехав в Осака в 1921 году, Мотобу начал пропаганду своего искусства через показательные выступления и поединки со всеми желающими. На следующий год он попросил Funakoси приехать к нему на помощь. Дело в том, что Мотобу плохо знал японский язык, тогда как Funakoси в совершенстве говорил, читал и писал по-японски. Funakoси очень ловко использовал официальное приглашение Мотобу для того, чтобы выступить в Кодокане, в Токио. Содержание этого выступления походило на демонстрацию 1917 года. Поэтому Кано Дзигоро был очень удивлен 5 лет спустя, когда посетил Окинаву и увидел там совсем другое каратэ, нежели то, что показывал Funakoси. К 1925 году репутация Мотобу как бойца прочно установилась по всей Японии. Нелишне отметить, что ему было в это время уже 54 года! В 1926 году была издана его книга «Окинава-кэнпо-кара-тэ-дзюцу». В 1927 году он переехал в Токио, где между ним и Funakoси возникли серьезные разногласия. В нескольких поединках, а также в различных ситуациях Мотобу убедительно доказал свое полное превосходство над Funakoси. Эти эпизоды из жизни последнего потом всеми силами замалчивались...

Мотобу никогда не склонен был к компромиссам. Все 15-летнее пребывание в Японии он гордился своим искусством и своим происхождением. Каратэ он повсюду старался показывать в самом что ни на есть традиционном духе — как искусство жестокого рукопашного боя. Поэтому главные упреки, которые он адресовал Funakoси, заключались в том, что тот, во-первых, стремился превратить боевое искусство в военизированную гимнастику, и, во-вторых, эту гимнастику сотворить на японский манер, по образу и подобию дзю-до и кэн-до. Короче, он считал Funakoси ренегатом, стыдящимся собственного происхождения, родного языка и традиций своего народа!

Когда Мотобу в 1936 году вернулся на Окинаву, Funakoси немедленно изменил иероглифы термина «каратэ» с тех, что означали «рука континента» на другие — «пустая рука», и в своей маленькой ассоциации приступил вместе с сыном Ёситакой к последовательной ликвидации старинного кэнпо-дзюцу Окинавы. Ученики мастера. Как в Японии, так и на Окинаве, Мотобу имел массу учеников. Назовем самых известных: Канэсима Синэй (прославленный мастер Исиминэ-рю); Канэсима Синсукэ

(создатель Тодзан-рю); Кониси Ясухиро (создатель Синдо-Сидзэн-рю); Мацуяма Синсукэ (создатель Кэнпокан-рю); Митосэ Масаёси, или Джеймс (создатель Косё-Сёрэй-рю кэнпо-каратэ); Нагаминэ Сёсин (создатель Мацубаяси-рю); Накамура Сигару (создатель Окинава-кэнпо-каратэ); Оцука Хиронори (создатель Вадо-рю); Симабуку Тацуо (создатель Иссин-рю); Роберт Трайэс (первый пропагандист каратэ в США), Уэсима Сансукэ (один из создателей Кусинрю) и многие другие, не ставшие основателями собственных школ... Среди них самыми верными последователями Мотобу явились Накамура Сигэру и Мацуяма Синсукэ. Кроме того, жизнь и взгляды на боевые - искусства мастера Чоки послужили источником вдохновения для Оямы Масутацу, создателя стиля Кёкусин-рю. Такэда Сокаку Такэда Сокаку родился 10 октября 1858 года в провинции Айдзу. Его клан принадлежал к древнему и знатному роду Такэда. Еще совсем маленьким ребенком он начал изучать дзю-дзюцу у своего деда Такэда Соэмона, и бо-дзюцу — у своего отца, известного мастера в этом виде боевого искусства. В 12 лет он поступил в школу кэн-дзюцу Оно-Ха-Итто Рю, к мастеру Сибуя Тома. Этот наставник был знаменитым мастером меча высокого класса. Очень быстро Такэда Сокаку проявил необыкновенные способности в фехтовании. Достаточно сказать, что в возрасте 16 лет он выиграл поединок на синаи (бамбуковых мечах) у одного из знаменитых фехтовальщиков того времени, мастера Момоно Сюнзо (1826—1886) из школы Кёсин-Мэйдзи-рю. В 1876 году, после 6-и лет занятий, мастер Сибуя вручил Такэда «мэнкё-кайдэн», документ, удостоверяющий постижение всех секретов и технических тонкостей школы и дающей право на самостоятельное преподавание.

Параллельно со школой Оно-Ха-Итто Рю, Такэда 2 года занимался в школе кэн-дзюцу Дзики-Син-Кагэ-рю у 14-го великого мастера этой школы Сакикабара Кэнкичи (1829—1894), а также в школе со-дзюцу (владения копьем) Ходзоин. В том же 1876 году он получил «мэнкё-кайдэн» школы Ходзоин. В июне все того же 1876 года умер его старший брат, и семейные обязанности заставили Такэда вернуться в родную провинцию. Там он был представлен Сайго Таномо-Чикамаса (1829—1905), прямому потомку основателя их клана и тогдашнему его главе. Этот человек слыл непревзойденным мастером меча, копья и боя голыми руками. Свою школу он называл Осикиучи-рю. То, что он преподавал нескольким избранным ученикам, являлось комплексной боевой системой. Она включала, помимо фехтования мечом и копьем, также и захваты, болевые и бросковые приемы. Около двух лет Такэда постигал технику Сайго, и весьма преуспел в этом. В 1880 году эти два человека

снова встретились, когда Сайго Таномо исполнял обязанности настоятеля в храме Синто Никко Тосёгу — главном храме их клана, а также всего рода Такэда.

За шесть месяцев, проведенных вместе, мастер Сайго передал одаренному ученику все секретные знания школы («окудэн»). С 1880 по 1898 гг. Такэда Сокаку вдоль и поперек объездил Японию, соревнуясь со всяким сколько-нибудь заметным мастером боевых искусств, который только принимал его вызов. Он не просил поблажек или особых условий при встречах с теми, кто считался сильнее него. Фактически, он уменьшал свои преимущества, используя только излюбленное оружие своего противника — то есть сражался копьем против мастера копья и мечом — против знаменитого мастера меча. Он никогда не терял уверенности в себе, а число его учеников, невзирая на частые разъезды и отсутствие постоянного тренировочного зала, превысило 30 тысяч за всю жизнь. Среди них были дворяне, члены правительства, бывшие даймё и высокопоставленные чиновники. Такэда Сокаку был представителем последнего поколения самураев, блестящим мастером боевых искусств и талантливым учителем, опыт которого являлся результатом интенсивных занятий ценой больших жертв с юного возраста.

Академические знания, полученные от инструкторов в тренировочном зале, он довел до совершенства в настоящем, не сдержанном ни правилами, ни страхом официального запрета, бою с мастерами, полагавшими себя более сильными и опытными, чем он. Эти соревнования ни в коей мере не были дружескими, смерть участников была обычным явлением. Прошедшие годы не помешали дойти до нас многим историям, показывающим характер и практические способности этого человека. В 1910 г. в сельской местности, по которой путешествовал Такэда, объявился жестокий грабитель, который действовал настолько успешно, что люди, за исключением самых сильных, боялись путешествовать в темноте. Полиция, несмотря на все усилия, не смогла с ним покончить. Неожиданно по неизвестным причинам деятельность разбойника прекратилась. Поиски полиции позволили обнаружить труп, глубоко увязший вниз головой в грязи, на рисовом поле недалеко от дороги, по которой обычно ездил Такэда.

Деревенские жители считали, что мастер бросил негодяя с такой силой, что тот не смог выбраться из заболоченного места и задохнулся. С другой стороны, возможно, он умер от того, что у него была сломана шея. И полиция и население были очень довольны такой развязкой, и поэтому особо не расследовали действительные причины смерти. Пятью годами спустя Такэда

участвовал в столкновении с полусотней дорожных рабочих и вышел из него невредимым, нанеся большой ущерб численно превосходящим силам врага. В то время многие дорожные и строительные рабочие набирались из бывших преступников или бандитов. Они были жестокими, агрессивными, обычно не имели постоянного дома, кочуя в поисках работы и проводя свободное время в драках и пьянках. Для полиции это было настолько большой проблемой, что смерть от ран, полученных в столкновении с ними, регистрировали как вызванную естественными причинами, чтобы соблюсти формальности и избежать лишних вопросов.

Когда началась схватка, врагов было полсотни на одного — вооруженных тобигути (баграми), железными ломами и лопатами. Сначала Такэда просто бросил нескольких нападающих. Однако, когда в ход пошли ножи, он тоже вооружился сходным образом — и это стоило жизни девятерым бандитам. Этот случай прекрасно демонстрирует силу и гибкость айки-дзюцу как комплексной боевой системы За счет способности без колебаний переходить от работы без оружия к работе с оружием, Такэда вышел победителем из такой схватки, которая на первый взгляд казалась совершенно безнадежной. Возможности Такэда Сокаку вызывали огромное восхищение сотрудников полиции, и в течение своей жизни он был учителем многих их офицеров и рядовых.

Поэтому ему сходило безнаказанно ношение стального меча (запрещенное еще в 1872 году), а также многочисленные убийства своих противников на поединках. По некоторым сведениям, за свою жизнь Такэда убил на дуэлях около 50-и человек, и это не считая всякого рода бандитов. Кстати, чины полиции вполне одобряли его расправы с преступниками, и не смея сами нарушать закон, всячески покрывали Такэда, делавшего то, о чем полицейские могли только мечтать. Если бы Такэда жил в наше время, его, без сомнения, сочли бы эксцентричным человеком. Рассказывают даже, что он всегда носил с собой собственную чайную посуду, из которой только и считал возможным пить, и ел лишь ту пищу, что готовил он сам или его старший ученик. (В давние годы для самураев было обычным беречь свою жизнь таким способом).

Похоже, что его поведение было достаточно вызывающим, что показывает, например, следующий инцидент. В 1904 г. американец Чарльз Пэрри, учитель английского языка колледжа Сэндай, пожаловался контролеру в поезде на плохо одетого пассажира, занимавшего место в вагоне первого класса, которое он, похоже, не имел возможности оплатить. Проверка показала,

что у пассажира действительно был билет первого класса, но привела его в такую ярость, что он попросил показать того, кто на него жаловался. Узнав, что это был ехавший в вагоне крупный иностранец, маленький Такэда, в котором было всего 150 см роста и 52 кг веса, схватил Пэрри двумя руками (приемом Ёнкадзё) и вытащил на открытую платформу в задней части поезда. Неизвестно, что там произошло, но безусловно, это произвело очень сильное впечатление на м-ра Пэрри.

Он сообщил в США, что Дайто-рю айки-дзюцу — это высшая система единоборства, результатом чего было приглашение от президента Рузвельта с просьбой прислать в США инструктора для демонстрации этих странных, но эффективных приемов. В ответ Такэда Сокаку направил туда Нарада Синдзо из отдела полиции Сэндай, одним из первых учеников которого в США стал Чарльз Пэрри, бывшая жертва его собственного гениального учителя. Такэда Сокаку — это связующее звено между нашим временем и эпохой самураев. Именно он обеспечил передачу истинного айки-дзюцу через своих учеников к последующим поколениям. Прожив полную, удачную и очевидно очень интересную жизнь, Токэда Сокаку скончался от естественной старости 25 апреля 1943 г. За два года до этого у него начался паралич, и многие тогда поверили в близость конца. Он был настолько близок к смерти, что один из его старших учеников, Уэсиба Морихэй, сменил название своей собственной школы с Айки-Будо на Айкидо; совершая это, мягко говоря, нарушение этикета, он, вероятно, считал дни своего учителя сочтенными и мог поэтому произвести замену без страха вызвать его недовольство. Однако Такэда Сокаку отчасти восстановил свою былую силу и за два месяца до смерти, несмотря на частичный паралич, на занятиях в отделе полиции города Муро-ран даже бросил дзюдоиста 6-го дана. В тот день, когда его не стало, он почувствовал себя плохо у станции Аомори на северной оконечности основного японского острова Хонсю и был принесен учениками в гостиницу города Ито уже мертвым.

Один из наиболее выдающихся бойцов последнего поколения самураев покинул этот мир в возрасте 85-и лет, после чего задача продолжения его работы лежала на учениках. Среди самых известных его учеников Уэсиба Морихэй (1883—1969), создатель Айки-До; Окуяма Ёсидзи-Рюхо (1906—1987), создатель Хакко-рю; Чой Ёнсоль (1904—1987), создатель Хапкидо; Такэда Токимунэ (его сын, великий мастер школы Дайто-рю); Сагава Юки-ёси и Хиса Такумо. Двое последних — единственные, кто получил «мэнкё-кайдэн» из рук самого Такэда Сокаку. После смерти учителя Сагава ряд лет возглавлял школу, но когда сын учителя

вернулся домой после войны и плена, он отказался от этого поста в пользу последнего. Такэда-сын являлся 37-м по счету главой школы, считая за первого легендарного князя Минамото-но Ёсимицу (1056-1127). В настоящее время школа возглавляется Такеда Мунемицу – 38 патриархом школы, братом покойногоТакеда Токимуне. Вот что Такеда Токимуне говорил о своём отце: «Мой отец был человеком маленького роста, но грозного вида. Он всегда носил только традиционную японскую одежду.

Много лет он был единственным, кто преподавал Дайто-рю. Но своего додзё у него не было. Он ездил по всей стране и проводил в разных местах 12-дневные семинары. Его учениками являлись, в основном, полицейские, а также чиновники местных органов управления. Как он сам считал, в течение всего периода преподавания он в той или иной мере обучил около 30 тысяч человек. У него был удивительный дар, нечто Вроде шестого чувства. Мне всегда казалось, что он мог читать мысли других людей. Любую опасность он чувствовал еще до того, как происходила сама встреча с ней. При этом он отличался скрытностью и осторожностью. Например, он никогда не ел и не пил ничего, приготовленного кем-то другим, кроме него самого, меня или старшего ученика. Он никогда никому не говорил, куда уходит или уезжает, когда вернется. Входя в чей-нибудь дом, или выходя оттуда, он всегда шел позади других, чтобы никто не мог ударить его в спину. Одним словом, он всегда был готов к бою, в любом месте и в любой момент»... Анри Пле, «отец европейского каратэ», вторит ему: «Мастер Такэда жил так, как подобает самураю, не доверяя полностью никому, кроме самого себя, не произнося ни одного лишнего слова, не заботясь о достатке, и поистине пребывая за пределами расхожих представлений о добре и зле. До конца своих дней он преподавал жесткое айки-дзюцу, отличавшееся высочайшей эффективностью. И только немногим избранным ученикам он передавал, кроме этого, круговую плавную технику». Поэтому, когда Уэсиба Морихэй в 1942 году начал открытое преподавание этого тайного раздела, назвав его «айкидо», Такэда испытал приступ гнева. Несколько его учеников отправились даже к Уэсибе, в его деревню Ивама, чтобы убить его. И только благодаря своему уму, выдержке и умению вести переговоры, Уэсиба смог этого избежать Уэсиб Морихэй Уэсиба родился 14 декабря 1883 года в Танабэ, префектура Вакаяма. Его отец был оружейным мастером клана Кии и возглавлял отряд самообороны в своей деревне. С десяти лет он обучал сына кэн-дзюцу (искусство меча) и со-дзюцу (искусство копья) школы Аои. Начиная с 1890 года Уэсиба

Морихэй посещал храм Дзизодэра, где монах Фудзимото Мицуё обучал его философии секты Сингон. В 1898 году, в 15 лет, он приехал в Токио учиться дзю-дзюцу в школе Кито-рю под руководством Тодза-ва Токудзабуро. В 1902 Морихэй отправился в Сакаи, где Накаэ Масакацу обучил его дзю-дзюцу и кэн-дзюцу школы Ягю-Син-Кагэ. В додзё Накаэ он встретил некоего Ханда, ученика Такэда Сока-ку и заинтересовался Дайто-рю-айки-дзюцу. В 1904 году Уэсиба добровольцем участвовал в Русско-Японской войне в Маньчжурии в качестве капрала 37-го полка 4-й дивизии, сформированной в Осака, В соответствии с некоторыми источниками, во время первого своего пребывания в Маньчжурии Уэсиба открыл для себя Багуа-цюань (Кулак Восьми Триграмм), «внутренний» китайский стиль, основанный на управлении энергией «ци» и на круговых движениях. В 1906 году Уэсиба вернулся в родной Танабэ. В 1908 он получил «мэнкё» (сертификаты) школы Кито-рю (за дзю-дзюцу), «Ягю-Син-Кагэ» (за кэн-дзюцу) и «Тэндзин-Синъё» (за дзю-дзюцу). В 1911 году Уэсиба решил обосноваться на пустующих землях севера острова Хоккайдо. Он покинул Танабэ во главе сотни человек и по приезде на место создал поселение Сиратаки. По словам его сына, Уэсиба Киссомару, отец тогда же встретился здесь с мастером Такэда Сокаку, который вручил ему через 5 лет, в мае 1916 года «мэнкё-кайдэн», диплом, свидетельствующий об изучении всей программы школы Дайто-Рю. По словам же Такэда Токимунэ, сына Такэда Сокаку, Уэсиба познакомился с его отцом на четыре года позже, в 1915 году, в гостинице Хисада. И только спустя семь лет, 12 сентября 1922 года, он получил диплом ассистента-инструктора, дающий право преподавать при соблюдении определенных условий, но вовсе не «мэнкё-кайдэн», который освобождает от положения ученика. Как бы там ни было, еще в 1912 году Уэсиба открыл в Сиратаки свое додзё, куда в 1915 году приехал Такэда, чтобы преподавать курс Дайто-рю-айки-дзюцу. Обучение Уэсиба не ограничилось изучением Дайто-Рю. В 1922 году он получил еще один диплом школы Ягю-Син-Кагэ (по дзю-дзюцу) и изучал другие системы, а именно дзю-дзюцу школы Синкагэ. Что наиболее привлекло Уэсиба в учении айки-дзюцу, кроме выдающейся личности самого Такэда, — так это, конечно, динамическая реализация закона «Айки» (Соединения Энергий), а также его применение к практике боя без оружия, то есть к практике, соответствующей новой эпохе, переживаемой Японией, и способной более полно удовлетворить его собственные философские запросы. Таким образом, ни в 1916 году, ни даже в 1922-м, айкидо еще не было создано. 2. Преподобный Дэгучи и Кото-Тама В 1919 г. Уэсиба покинул

Сиратаки, чтобы отправиться в Танабэ к больному отцу. В дороге он услышал массу слухов о странном монахе, — лекаре и чудотворце, — проживающем в Аябэ, — о преподобном отце Дэгучи Онисабуро (1871— 1948). В это время Дэгучи (его прежнее имя Уэда Китасабуро) уже был духовным наставником Оо-мото-Кё, секты Великого Источника. В 1898 году на него снизошло откровение: он услышал «небесный голос», который сообщил ему следующее: «Ты должен познать самый чистый и благородный путь — путь, который ведет к Небу. Ты должен очистить свое тело и душу, чтобы суметь пробудить людей. Тебе надо стать Служителем Бога. Распространяй Свет в этом мире. Стань Солью спасения и очищения. Лечи тела и души. Отдай свою жизнь людям и Пути к Небесам. Без настоящей силы любви ты не сможешь достичь этого. Десять последующих лет станут решающими. Ты познаешь ненависть и гонения. Смело ступай вперед с силой Господа. Не отступай. Господь прольет на тебя Свой Свет». В 1907 году Дэгучи стал великим учителем Оомото-Кё. С этого времени и до своей смерти в 1948 году, он развернул колоссальную многоплановую деятельность: создал ежедневную газету «Тайсё-Нити-Мичи», составил японско-эсперанто словарь, учредил Ассоциацию Всеобщей Любви и Братства, учредил Ассоциацию по Распространению Воинских Путей Великой Японии, создал Всемирную Федерацию Религий, учредил газету «Дзинрю-Айдзэн-Симбун», заключил союз с китайскими сектами под названиями «Общество Доктрины Основополагающего Единства» и «Общество Строгого Следования». В 1925 году Дэгучи связался с Белым Братством Болгарии (позже Всемирным Белым Братством), возглавляемым Петром Деюновым (1864 — 1944).

Под руководством Дэгучи секта Оомото-Кё стала мощной организацией, имеющей многочис-леные ответвления по всей Японии и за границей. Ее основная цель, «внешняя» и «видимая», находилась в тесной связи с имперским проектом «сферы общего процветания Азии», иными словами, Дэгучи предлагал установить на земле «Царство Единого Бога», основанное на политическом, культурном и экономическом союзе между Китаем и Японией. Уэсиба Морихэй посетил Дэгучи в конце сентября 1919 года и уехал в Танабэ только 28 декабря. Его отец умер 2 января 1920 года. На могиле сын испытал сильное потрясение, которое укрепило его уверенность в религиозном призвании.

В том же году Уэсиба потерял двух первых своих детей, умерших в раннем возрасте. После всех невзгод он решил присоединиться к Дэгучи и переехал в Аябэ. По совету своего нового духовного отца, он открыл здесь додзё, где преподавал Дайто-рю-айки-дзюцу приверженцам Оомото-Кё. В 1922 году сюда

на некоторое время приехал Такэда для проведения занятий в зале Уэсиба. Если взаимоотношения между Уэсиба и преподобным Дэгучи были превосходными, то совсем иначе выглядели его отношения с другими членами общины, упрекавшими его в авторитарности и нетерпимости. Рядом с Дэгучи Уэсиба полностью погрузился в учение, которое он в общих чертах освоил еще в секте Сингон (вспомним Фудзимото Мицуё) и которое стало определяющим для его будущего понимания Айкидо-Кото-Тама. Кото-Тама — это учение о «власти звуков». Оно практикуется в основном в форме мантр (священных звуков) и мудр (символических жестов). Вот как характеризует его Мишель Рандом в своей книге «Воинские искусства, или дух Будо»: «Эзотерическое знание айкидо чрезвычайно глубоко. Учитель Уэсиба посвятил ему всю свою жизнь. Одно из его основных исследований касалось символики и власти звуков. Пять первозвуков Творения — это И, а затем Е, А, О, У. По святому Иоанну, «И» является первоначальным звуком, соответствующим слову Евангелия: «Вначале было Слово, и Слово было у Бога, и Слово было Бог». Звуки Е, А, О, У представляют 4 этапа творения. Эти 4 этапа символизируют ритм дыхания Вселенной. Эти 4 ритма порождают 8 сил, которые также являются 8 цветами, 8 звуками. Цифра 8 в Японии и вообще на Востоке — это цифра бесконечности... 4 этапа У, О, А, Е развивают первоначальную Энергию, создают внутренний и внешний мир. Каждая буква представляет одну из сфер Бытия. Звуки означают проявленный мир... Каждая сфера имеет свои вибрации, соединяющие духовную сущность с физическим телом... 4 сферы Проявления, умноженные на 8 сил, порождают 32 состояния действительности... Это знание берет свое начало в эзотерическом учении Синто...» По мнению Уэсиба Киссомару, сына Учителя, взаимодействие между айкидо и Кото-Тама состоит в том, что айкидо следует рассматривать как конкретную интерпретацию и воплощение учения о «власти звуков». Под влиянием теории Кото-Тама, Уэсиба значительно изменил характер преподавания Дайто-рю-айки-дзюцу и начал называть свое искусство «Айки-бу-дзюцу». Между тем, на Оомото-Кё начались гонения. С 1921 года Дэгучи по обвинению в оскорблении императора находился под домашним арестом. Тем не менее, ночью 13 февраля 1924 года он, не считаясь с запретом, уехал в китайскую Монголию в сопровождении нескольких преданных ему лиц и Уэсиба в качестве телохранителя. По приезде на место с помощью некоего Лу Чжан Гуэя он создал «Независимую Армию Северо-Запада», взял в свои руки распределение соли и риса, оповестил всех о создании «Царства

Бога» и объявил себя «Спасителем Мира». Местный губернатор Чжан Цзо Лин не стал терпеть такого самоуправства в своих владениях, казнил Лу Чжан Гуэя и приговорил к смерти приезжих японцев. Только вмешательство японского консульства позволило Дегучи и Уэсиба вернуться на родину 25 июля 1925 года целыми и невредимыми. Благодаря перенесенным в этой авантюре испытаниям, Уэсиба впервые узнал о своей способности к предвидению. Оказывается, во время смертельной опасности он «чувствует», он «знает» о нападении врага еще до того, как оно происходит. Мистическая интуиция («точки белого света») указывает ему даже траектории полета пуль. Отныне Ван Шу Гао (мистический псевдоним Уэсибы в Монголии) изменил свой взгляд на боевые искусства. Год спустя, в 1926 году, после очень интенсивной тренировки у него было видение, которое он описал следующим образом: «Внезапно я осознал, что земля и небо начинают вибрировать. От земли исходила духовная энергия, похожая на золотой пар, который обволок мое тело, преобразуя его в золотое. В этот момент я был способен достичь Сердца Мира. Отныне вся земля — мой дом. Я понял, что единоборства Будо бесполезны, если победа достигается силой. Они не должны быть теми инструментами, которые доведут мир до краха, их роль в том, чтобы Сердце Мира стало твоим и чтобы повсюду царил мир...» Так родилось Айкидо! Тем не менее пришлось ждать еще 15 лет, чтобы этот термин стал использоваться официально. В 1927 году Уэсиба покинул Аябэ и переехал в Токио, где преподавал в додзё, расположенном в его собственном доме. В 1930 году он начал строительство додзё в Вакама-цу-Сё, «Кобукан», которое было открыто в апреле 1931. Из-за чрезвычайно трудных тренировок, проходивших в зале Кобукан, он был прозван «Дзигоку-додзё» (Зал Преисподней). Вот свидетельство мастера Сирата Риндзиро, ставшего одним из первых учи-дэси (внутренних учеников) в Кобукане: «Мы, учи-дэси, должны были преодолевать все трудности и должны были только побеждать. Из-за того, что мы не имели права оказаться побежденными, тренировки были чрезвычайно тяжелыми, на пределе терпимого. В тот период сэнсэй Уэсиба тоже интенсивно тренировался. Все, кто к нему приближались, поражались удивительному ощущению мощи, которую он излучал. Сэнсэй занимался для себя и почти не проводил занятий с нами. Приходилось быть очень внимательными: наблюдать и учиться самим». Между 1931 и 1941 годами Уэсиба преподавал одновременно в нескольких залах: Сонэдзаки-додзё, Суйда-додзё, Оцука-додзё и др. Именно в это время некоторые известные мастера, в большинстве своем ученики Кано Дзигоро (основателя

дзюдо), стали его последователями: Сиода Годзо, Хоси Тэцуоми, Мочидзуки Минору, Томики Кэндзи. В 1939 году он отправился в Маньчжурию для проведения там показательных выступлений. В 1940 году Кобукан приобрел особый статус, утвержденный Министерством Здравоохранения, а в 1941 году Бутоку-кай (официальный союз японских боевых искусств) решил признать Уэсиба-рю-айки-будо. Но именно в это время Уэсиба, вопреки всяким ожиданиям, покинул Токио. Он поручил руководство Кобуканом своему сыну, и поселился в маленькой деревне Ивама (префектура Ибараги). 3. Ивама Укрывшись в этом мирном убежище (шла война, Токио регулярно бомбили!) Уэсиба тренируется, молится и медитирует. В 1942 году он дал окончательное название своему искусству: Айкидо. Именно это название было зарегистрировано в том же году в Бутокукае.

Отныне разрыв с Такэ-да-рю и Дайто-рю завершен. В Ивама Уэсиба открыл новое додзё и заложил фундамент храма, посвященного Айкидо и Кото-Тама: Айки-Дзи. Преподобный Дегучи, находившийся в тюрьме с 1935 года, в 1942 освободился. Такэда Сокаку умер в 1943 г. От Ивама война далеко. На новой земле Уэсиба взял себе в ученики Тохея Коичи, Абэ Тадаси и Сайто Морихиро, о котором говорят, что он был любимым партнером учителя во время работы с оружием. Уэсиба жил в Ивама до конца жизни, но он часто ездил отсюда в Токио и за границу с целью распространения своего искусства. В 1942 году он снова побывал в Маньчжурии, чтобы участвовать в праздновании 10-й годовщины государства Маньчжоу-го и выступал там перед императором Пу-И (1906-1967). В 1948 году он поддержал создание Айки-кай под руководством своего сына Уэсиба Киссомару, с резиденцией в Токио. В 1961 году он побывал на Гавайях, где произнес эти вошедшие в историю слова: «На сегодняшний день я построил в Японии золотой мост. Я прибыл на Гавайи, чтобы построить серебряный мост, который соединит страны мира в истинном духе Будо, духе гармонии между народами и незыблемой любви». Уэсиба Морихэй вернулся в Великий Источник (Оомото) 26 апреля 1969 года. 4. Айкидо Айкидо представляет собой одновременно и сумму, и превышение, и упрощение старинных восточных единоборств. В течение первых лет работы над ним, называя его «Айки-Дзюцу», «Ко-Бу-Дзюцу», «Айки-Бу-Дзюцу» и «Айки-Будо», он думал о новом варианте старинного Айки-дзюцу. Но под влиянием доктрины Оомото-Кё он заимствовал доктрину Каибара Эккёна (1630—1714), самурая из клана Курода, который проповедовал «любовь ко всякой вещи и гармонию с природой через отношение доброжелательности, основанное на владении энергией Ки». С

точки зрения Уэсиба, айкидо несет новый свет для всех религий. В нем — конкретная надежда на мир на земле, а не просто фактор социальной интеграции, айкидо — это средство отождествления Человека и Вселенной: динамическое выражение Космической Любви. Следуя логике своих мистических концепций, Уэсиба постепенно модифицировал приемы Дайто-рю-айки-дзюцу. Его приемы имеют по своей сути защитный характер. Они воплощаются в круговых движениях, этих носителях «живой созидающей силы», в полном согласии с «универсальными законами», внутри естественного плавного ритма, и тем самым гасят любой конфликт присущей воинственному противостоянию. Защита осуществляется на основе Соединения Энергий (Айки): энергии нападающего и энергии защищающегося, который стремится контролировать нападение изнутри, сломить волю к совершению зла в порыве братского примирения. Определенное таким образом, айкидо выступает как нравственная дисциплина, стремящаяся к тому, чтобы сохранить физическую целостность нападающего, что никогда не было свойственно айки-дзюцу, более того, прямо ему противоречит. 5. Стили Айкидо В противовес широко распространенному мнению отметим, что существует не один стиль, а несколько стилей айкидо. «Официальный» — это стиль Айки-кай в Токио, возглавляемый Уэсиба Киссомару и его сыном, Уэсиба Моритэру. Айки-кай в последние годы предлагает курсы для иностранцев с присвоением соответствующих степеней. Другие стили были созданы прежними учи-дэси Уэсиба Морихэя, в том числе еще при жизни их учителя: Ко-Бу-Дзюцу-Айкидо (Хоси Тэцуо-ми), Кориндо-Айкидо (Хираи Минору), Оцуки-Рю-Айкидо (Оцуки Ютака), Синва-Тайдо (Инуэ Ёичиро), Томики-Рю-Айкидо (Томики Кэндзи), Ёсейкан-Рю-Айкидо (Мочидзуки Минору) и Ёсин-кан-Рю-Айкидо. Сиода Годзо, основатель последнего стиля, так объясняет свой поступок: «Незадолго до того, как я оставил Учителя, он сказал, что собирается полностью посвятить себя метафизическим исследованиям. Вот почему наши концепции отличаются от концепций более молодых коллег (преподавателей, вышедших из Айки-кай)... Лично я не считаю, что отделился от основного течения айкидо, поскольку в тот момент нечего было покидать! Учитель объяснял айкидо, исходя из своих религиозных верований, в то время как, по моему мнению, айкидо может быть объяснено само по себе... Мое айкидо чистое от всего наносного, оно такое, каким мне его преподавал О-Сэнсэй». В дальнейшем еще два преподавателя, вышедшие из Айки-кай, создали свои стили: Норо Маса-мичи, создатель Ки-Но-Мичи и Тохэй Коичи, создатель Син-Син-Тойцу-Айкидо, которое

он развивает в.рамках ассоциации Ки-но-Кэнкюкай. Вот мнение Тохэя: «Большинство членов Айки-кай забыли о развитии Ки. Когда О-Сэнсэй преподавал, он всегда говорил о Ки, и все думали о Ки. Но после его смерти люди не только стали неспособны понимать Ки, но даже перестали употреблять это слово. Приемы выполнялись неправильно, а в результате, если ученики выступали против физически более сильного противника, они ничего не могли с ним сделать. Если оставить дела в этом состоянии, айкидо учителя Уэсиба станет простым упражнением». 7. Сведения о жизни Уэсиба Морихэя: Уэсиба достиг такого уровня владения боевыми искусствами, что его бывшие ученики и сегодня оценивают этот уровень как не имеющий себе равных. Рассказывают, например, что учитель просил учеников атаковать его в любой момент и наиболее натуральным образом, но даже при таких обстоятельствах, он никогда не был повален или застигнут врасплох кем-нибудь из них. Сиода Годзо, создатель Ёсинкан-рю: «Учитель Уэсиба настолько владел Будо, что разговаривал с богами! Однажды в поезде он дал мне металлический веер и сказал: «Ударь меня, если я засну». Через несколько минут он заснул и я попытался его ударить. Точно в это мгновение он проснулся и сказал: «Ты хотел на меня напасть». «За четыре дня до смерти он еще вставал, чтобы пойти тренироваться. Тело его было очень слабым, кисти рук тонкие. Четверо помощников запретили ему двигаться ради его же блага... Он их всех легко отбросил». Цуда Ицуо (1914—1984), основатель Кацугэн-Ундо: «В те последние годы, когда я видел Учителя, казалось, что он понятия не имеет о технике; ему было достаточно просто пошевелить пальцем: совсем неопасным, безобидным движением он без всякого усилия бросал на пол учи-дэси, молодых людей в прекрасной физической форме. Он был похож на ребенка, который развлекается лишь бы чем и лишь бы как; он приводил в замешательство любого, кто пытался разложить айкидо по полочкам... ...он мне показал два пальца на левой руке; я схватил их изо всей силы и не почувствовал никакого физического сопротивления; внезапно я был подброшен в воздух, это было приятное чувство, никак не сравнимое с тем, что я испытывал с другими партнерами... Я увидел Учителя, окруженного десятком учеников, всех вооруженных палками; в такой ситуации он не мог двинуться, чтобы не получить удар; вдруг я слышу крик... и вижу всех учеников, лежащих на земле со своими палками! ...Учитель часто показывал следующий «номер»: в правой руке он держал деревянную саблю, конец которой слегка загнут вверх, а грациозным жестом левой рукой держал полу своей одежды. Трое учи-дэси хватаются за саблю, стараясь ее

сдвинуть, но оружие остается неподвижным. Через несколько мгновений учитель освобождает энергию и все трое летят кувырком!» Здесь не хватит места даже для небольшой части подобных историй, поэтому я выбрал еще только одну, дающую представление о характере Морихэи Усэсиба, а также четко показывающую разницу между спортом и боевым искусством. Время и место спортивных соревнований определено заранее, поэтому участники в нужное время могут подойти к пику физической формы и духовных возможностей. Опыт боевых искусств, напротив, требует быть готовым 24 часа в сутки, независимо от физического и духовного состояния занимающегося — и в том месте, где это будет необходимо для него или кого-то еще. По просьбе адмирала Такэсита Исаму, Уэсиба Морихэй согласился провести показательные выступления по айкидо перед императорской семьей. Перед выступлением Уэсиба очень тяжело болел желтухой и едва мог есть и пить, а передвигался только с посторонней помощью. В день выступления он даже не мог одеться сам и выглядел так плохо, что два ученика, которых он выбрал себе в помощники, Сиода и Юкава, были уверены, что он не сможет провести выступление. Однако, после вступительного слова, когда зрители начали аплодировать, учитель Уэсиба изменился. Его глаза заблестели и осанка совершенно изменилась. Как вспоминает Сиода Годзо, создалось впечатление, что он в считанные секунды вылечился от желтухи. Когда началось выступление, Юкава старался двигаться медленно, чтобы скомпенсировать слабость учителя, и в результате получил травму. Когда после очередного мощного броска он не смог встать, оказалось, что он сломал руку и не может продолжать работать. Из-за этого Сиода был вынужден работать единственным ассистентом Учителя Уэсиба в течение всей непрерывной 40-минутной демонстрации бросков, замков и удержаний. В результате этой работы он целую неделю после выступления пролежал с очень высокой температурой. Урок ясен: мастерство в боевых искусствах открывает ворота для мастерского владения как телом, так и духом. 8. Слова Учителя «За мгновение до того, как мой противник нападет, я вижу точку белого света, и через секунду сабля следует по той же линии, что и белый свет. Таким образом, я легко могу избежать удары саблей. Тот, кто откроет секрет айкидо, откроет Вселенную Внутри себя и сможет сказать: «Я есть весь мир!» Поэтому, когда враг пытается поме-ряться со мной силой, он должен сперва сокрушить всю мировую гармонию. Но в тот момент, когда он только подумает о том, чтобы меня ударить, он уже побежден! Поскольку айкидо, движения которого являются бесконечными

движениями Вселенной, — это непротивление, оно всегда победоносно. Природа айкидо — в любви к единственному истинному Богу, которого надо принять и телом и душой». Эти высказывания можно сравнить с тремя основными заповедями Оомото-Кё: 1. Постигайте естественные явления Природы и вы сохраните Тело единственного истинного Бога. 2. Постигайте совершенную работу Вселенной и вы сохраните Энергию единственного истинного Бога. 3. Постигайте дух живых существ и вы сохраните Душу единственного истинного Бога. Они чем-то близки к учению Петра Деюнова, которое учитель Омраам Микаэл Айванов выразил следующим образом: «Самое главное — это то, каким образом используется энергия, которой мы обладаем... Когда по отношению к вам совершена несправедливость, вы должны дать отпор с таким умом, с такой силой характера, с таким умением, с таким светом, с такой теплотой, чтобы ваш враг был совершенно потрясен, ослеплен, сражен, то есть преображен! Не уничтожен, не убит, нет! Возрожден!» 9. Оценка дела Уэсибы Морихэя Несомненно то, что до войны Уэсиба учил эф-фективной в реальных единоборствах технике, переданной ему Такэда Сокаку. Тренировки в его школе были настолько тяжелыми, что травмы, часто тяжелые, были обычным явлением. Среди учеников оставались только самые выносливые. Его лучшими учениками этого периода были Сиода Годзо, Томики Кэндзи, Хираи Минору и Мочидзуки Минору. (Мочидзуки Минору принес айкидо, дзюдо и Катори Синто-рю иайдо в Европу после второй мировой войны. За свои заслуги получил награду французского правительства). Сиода Годзо, очевидно, был лучшим из тех учеников Уэсиба Морихэя, кто остался верен исходной технике Такэда Сокаку. Свидетельство этого — высокая эффективность его системы Ёсинкан и использование ее для тренировок в полиции и армии. После войны, постаревший и все более и более склоняющийся к религии, он сменил основное направление своей школы с изучения боевого искусства на формирование личности с помощью айкидо. В действительности же то, что до войны было жесткой, но эффективной боевой системой, включавшей как нападение, так и защиту, теперь стало религиозной философией, включающей измененную систему айки-дзюцу, составившую репертуар айкидо. В годы после поражения Японии такая постановка дела нашла плодородную почву. Айкидо Уэсиба было одобрено оккупационными силами США в качестве допустимого «мирного» занятия и распространилось, затмив все школы айки-дзюцу, открытые бывшими учениками Такэда Сокаку. Долгое время в глазах всего мира Уэсиба Морихэй представлял айкидо.

Этот энергичный старый мужчина с длинной белой бородой и сверкающими глазами стал своего рода олицетворением боевого искусства. Без сомнения, Уэсиба Морихэй был сильной личностью, он подчинял своему влиянию всех связанных с ним людей и вызывал в других такую любовь, что они были готовы с радостью пойти ради него на большие жертвы. Мы никогда не узнаем, была ли эта сила следствием его религиозных убеждений или это был врожденный дар. Достаточно сказать, что этот дар активно им использовался и многие от этого выиграли. Однако, подобно тому, как ночь сменяет день, любое положительное явление имеет отрицательные последствия. Так произошло и с айкидо. При том, что система Уэсиба, возможно, и формировала лучшую «личность» за счет акцента на укрепление характера и духовные аспекты, многие приемы школы выродились до того, что стали неприменимы на практике. Теперь выполнение большинства из них стало возможным только в случае помощи «противника», дающего себя бросить. Другие зависели от активности участия противника в выполнении техники, когда он должен был удерживать сильный хват, за счет которого защищающийся выполнял бросок. То, что сам Уэсиба Морихэй мог свободно делать за счет своего глубокого знания Такэда (Дайто)-рю айки-дзюцу и сверхчеловеческих личных качеств, другие могли только изобразить выполняя то, что выгядело как стилизованная ритуальная техника, непригодная в реальном единоборстве и часто требующая помощи «жертвы» в ее собственном падении. Эти слова — вовсе не критика, поскольку Уэсиба Морихэй считал свое искусство Путем к Богу, а не методом достижения превосходства над другими смертными. Он был бы счастлив, узнав, что вошел в историю как человек, превративший боевое искусство в путь мира через внутреннюю гармонию его собственного метода. «О-Сэнсэй» Уэсиба Морихэй умер в 1969 г. в том же самом возрасте, что и Такэда Сокаку, и за несколько дней до годовщины смерти своего учителя. После него осталась группа преданных ему учеников, взявшаяся продолжать начатое им дело. Его сын Уэсиба Киссомару стал вторым главным мастером школы, и слава системы продолжала распространяться. Но для многих Школа заключалась в Человеке, и никто не мог заменить его. Когда свет его жизни угас, это было для его последователей почти подобно солнечному затмению, оставившему отметку в истории до того, как свет вновь упал на землю.